

**«ТРУДАРМЕЕЦ ФРИДЛЕНДЕР, Г. М.»
(письма из Коми АССР, 1942–1945)**

*(Вступительная статья С. В. Березкиной, подготовка текста
и комментарии С. В. Березкиной и А. С. Лагурева)*

Аннотация: Публикация освещает сложный этап биографии академика Г. М. Фридендера периода Великой Отечественной войны на основе его переписки с матерью, находившейся в блокированном Ленинграде, и друзьями (М. А. Лифшицем, Я. Л. Бабушкиным, О. И. Ильинской и др.). Во время войны Г. М. Фридендер как немец по национальности был мобилизован для работы в трудовом лагере на территории Коми АССР. Его письма из лагеря – это ценный исторический документ о жизни рабочей колонны граждан немецкой национальности, раскрывающий ряд сложнейших проблем жизни СССР того времени.

Ключевые слова: биография академика Г. М. Фридендера, судьба граждан немецкой национальности в СССР периода Великой Отечественной войны, национальная политика СССР 1930–1940-х гг., блокада Ленинграда.

Abstract: The publication covers the difficult stage of academician G. M. Fridlender's biography during the Great Patriotic war on the basis of his correspondence with his mother, who was in besieged Leningrad, and friends (M. A. Lifshits, Y. L. Babushkin, O. I. Ilyinskaya, etc.). During the war, G. M. Fridlender as a German by nationality was mobilized to work in a labor camp in the Komi Republic. His letters from the camp are a valuable historical document about the life of a working column of citizens of German nationality, revealing a number of complex problems in the life of the USSR of that time.

Key words: academician G. M. Fridlender's biography, the fate of citizens of German nationality in the USSR during the Great Patriotic war, the national policy of the USSR of the 1930–1940, the blockade of Leningrad.

Архив выдающегося ученого, многолетнего сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, академика Георгия Михайловича Фридендера (1915–1995) поступил в Рукописный отдел ИРЛИ (ф. 929) в 2014 г. Мировую известность Г. М. Фридендеру принесла деятельность на посту руководителя академического издания сочинений и писем Ф. М. Достоевского, выходявшего в 1972–1990 гг. В его архиве сохранилось более ста писем и телеграмм к матери, отправленных им из поселка Жёшарт Усть-Вымского района Коми АССР, где он, мобилизованный в так называемую «трудовую армию», работал во время войны; обратный адрес на них нередко завершался подписью: «Трудармеец Фридендер, Г. М.». Сохранились и ответные (около двухсот) письма матери, А. М. Фридендер, содержащие интересную информацию о блокадном Ленинграде. Важный корректив в понимание происшедшего

в эти годы в жизни ученого вносит его переписка с М. А. Лифшицем (1905–1983), философом-марксистом и теоретиком искусства, с которым Г. М. Фридендер был связан тесными дружескими и творческими узами с середины 1930-х гг.¹ О том, что Г. М. Фридендер, как немец по документам, прошел через «лесоповал», известно из кратких упоминаний ряда мемуаристов.² Письма его из Жешарга имеют, однако, не только биографический интерес, проясняя то, о чем, как оказалось, неточно рассказывали мемуаристы; это еще и ценный исторический источник, повествующий о жизни одной из немецких рабочих колонн на территории Республики Коми.

Г. М. Фридендер происходил из высокообразованной и обеспеченной семьи.³ Отец Анжель (Анжелики) Морисовны Фридендер (1886–1956), урожд. Гессе, был уроженцем французского города Жуанвиль (департамент Верхняя Марна) и приехал в Петербург в 1860-х гг.; до конца жизни он оставался гражданином Франции. Морис Гессе (ум. 1905) – купец 2-й гильдии, владелец известного в Петербурге «Лионского магазина», одного из поставщиков императорского двора (французские ковры, обойные материалы), вице-президент французской колонии, известный благотворитель, кавалер ордена Почетного легиона. В начале XX в. магазин находился на углу Невского проспекта и Большой Конюшенной улицы; в том же доме, на втором этаже, была и квартира Гессе (ее помнил и Г. М. Фридендер). Дочь М. Гессе приняла русское подданство после замужества.

¹ Об истории взаимоотношений Г. М. Фридендера и М. А. Лифшица, которая еще ждет своего исследователя, см.: *Лифшиц М. А. Почему я не модернист?* Философия. Эстетика. Худож. критика / публ. В. М. Германа, А. М. Пичкиян, В. Г. Арсланова; сост., предисл., коммент. В. Г. Арсланова М., 2009. С. 307–328 (письмо к Г. М. Фридендеру от 22 сент. 1960 г., отрицательный отзыв о рукописи его книги «К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы», вышедшей в 1962 г.), 336–342 (из переписки с Г. М. Фридендером по поводу статьи Лифшица «Почему я не модернист?», 1966–1967), 453–468 (письмо к Г. М. Фридендеру от 8 апр. 1938 г., о Пушкине); *Лифшиц М. А. Проблема Достоевского: (Разговор с чертом)*. М., 2013. С. 17–21 (письмо к Г. М. Фридендеру от 24 марта 1956 г.), 141–142 (письмо к А. В. Македонову от 4 нояб. 1973 г.). Необходимо отметить, что глубоко дружеские взаимоотношения Г. М. Фридендера и М. А. Лифшица к концу 1950-х гг. начали серьезно меняться, поворотным же пунктом здесь стали 1960-е гг., ясно обнаружившие их расхождение по вопросу о приоритетах в разработке марксистской эстетики и модернизме. Тем не менее личные отношения продолжались вплоть до смерти М. А. Лифшица, о чем свидетельствует их переписка.

² *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 532; *Дьяконова Н. Я.* Мои воспоминания // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 437–438; *Лотман Л. М.* Г. М. Фридендер в моей памяти сквозь долгие годы общения и сотрудничества // Там же. С. 449–450.

³ Сведения о семье Фридендеров почерпнуты из документов ф. 929 Рукописного отдела ИРЛИ и, большей частью, ранее не публиковались. В статье использованы также следующие дела БАН и ИРЛИ: СПбФ АРАН, ф. 158, оп. 7, № 1165 (личное дело А. М. Фридендер, 1934–1948); ф. 4, оп. 4, № 4200 (личное дело Г. М. Фридендера, 1932–1934); ф. 150, оп. 4, № 27 (его же, дело о защите кандидатской диссертации, 1946–1947); ф. 150, оп. 2, № 379 (его же, личное дело, 1955–1995; по документам этого дела составлена биографическая справка о нем в изд.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 537). В настоящей статье использованы также автобиографические записки Г. М. Фридендера, рассказывающие о судьбе членов его семьи (документ готовится к публикации).

Анжель Морисовна закончила в 1904 г. петербургскую женскую гимназию Л. С. Таганцевой и затем три года (из положенных четырех) училась на юридическом факультете Высших историко-литературных и юридических женских курсов (обучение было прервано замужеством в 1910 г.); в анкетах ее образование характеризовалось как высшее незаконченное. А. М. Фридендер работала с 1919 г., главным образом машинисткой, но больше всего дорожила своей службой в Библиотеке Академии наук СССР, где работала в 1934–1948 г., с 1936 г. библиотекарем (с использованием знания ею трех языков). Горячая любовь, глубочайшая нежность и постоянная (иногда просто паническая) тревога за жизнь матери наложили неизгладимый отпечаток на письма Г. М. Фридендера к ней военных лет, поскольку все это время она оставалась в блокадном Ленинграде. Беспокойство за ее здоровье, а также военная цензура, конечно же, не позволяли Г. М. Фридендеру писать всю правду о жизни в Жешарте, однако она прорывалась в тех сообщениях, которые он отправлял своей матери несколько – иногда до семи – раз в месяц.

Лейтмотивом этих писем является тема национальности. Дело в том, что Г. М. Фридендер, переживший годы военного лихолетья как «немец» (имя, обозначенное в его свидетельстве о рождении, а затем в паспорте: Георгий-Гастон-Эдгар), таковым на самом деле не был. Многолетний сотрудник Эрмитажа, известный египтолог И. М. Дьяконов (1915–1999), друживший с ним с университетских лет, вспоминал: «Отец и мать Юры были разного, но оба – сложного международного происхождения; но так как в документах царского времени записывали не национальность, а вероисповедание, то оба значились “лютеранами”, а при первой выдаче паспортов (в 1932 г.) их записали “немцами”». ⁴ Здесь обозначена лишь общая тенденция, которая, конечно же, в 1932 г. была конкретизирована инструкциями НКВД. Михаил-Александр Вильгельмович Фридендер (1879–1942), отец Георгия Михайловича, родился в Петербурге (в годы Гражданской войны его имя в документах обозначалось уже как Михаил Васильевич). По сообщению в автобиографии начала 1930-х гг., дед со стороны отца был журналистом; в действительности же Вильгельм (Вольф, Василий) Андреевич Фридендер (род. 1849) был банковским служащим и, одновременно, сотрудником газ. «St. Petersburgische Zeitung», издававшейся на немецком языке в Петербурге, где вел биржевой отдел. Он закончил в 1867 г. Варшавское специальное уездное училище и в 1870-х гг. переехал в Петербург.

М. В. Фридендер учился в гимназии Главного немецкого училища св. Петра (эту же школу – «Петришуле» – закончили и оба его сына), а затем в Технологическом институте, после окончания которого (в 1904 г.) перешел в русское подданство. Дореволюционная карьера инженера-энергетика М. В. Фридендера, служившего в Русском акционерном обществе «Сименс-Шуккерт», была блестящей: в киевском отделении общества он развил кипучую деятельность по модернизации сахарных заводов на юге России, а в 1915 г., после перестройки общества в связи с начавшейся войной (от его

⁴ Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. С. 385.

управления были отстранены германские подданные), был переведен в Петербург и стал помощником управляющего Заводом военных и морских приборов РАО «Сименс-Шуккерт» (ныне завод «Электроприбор»). Одним из двух директоров завода был Л. Б. Красин, известный деятель революционного движения и Советской России, о котором М. В. Фридендер упоминал в автобиографиях (по воспоминаниям Георгия Михайловича, именно Красин вызволял его отца из тюрьмы после нескольких арестов, которым он подвергался в 1918–1922 гг.). В послереволюционное время его инженерная карьера постепенно шла на спад: постоянная смена мест работы (иногда по два-три раза в год), причем некоторые увольнения с неллицеприятными формулировками, такими как «нарушение правил внутреннего распорядка», «конфликт» и даже «болезненное нервное состояние». Болезнь М. В. Фридендера обнаружилась в 1928 г.: он был болен прогрессивным параличом и лечился у известного в то время психиатра М. М. Мирской. В письме от 3 февр. 1942 г., связанном со смертью отца в Ленинграде (он умер от истощения 2 янв. 1942 г.), Г. М. Фридендер с горьким сожалением писал о «том печальном, чисто растительном состоянии, без памяти, со слабыми и редкими блестящими рассудка, в котором он провел, как во сне, последние 10 лет» (в другом письме: «последние 10–12 лет»). Сожаления усугублялись воспоминанием о мучениях матери, поскольку «подействовать морально» на него, как и «заставить его с чем бы то ни было считаться» в семье, было невозможно. Итожа в письме от 15 февр. 1942 г. свои воспоминания, Г. М. Фридендер писал, что в их семейной жизни «было немало тяжелого и мучительно грустного».⁵

Как это нередко бывает при прогрессивном параличе, позволяющем какое-то время сохранять профессиональные навыки, М. В. Фридендер и после выхода на пенсию в 1930 г., вплоть до 1935 г., продолжал деятельность вузовского преподавателя (в институтах Политехническом, затем Текстильном, наконец, Автодорожном), причем начал он преподавать еще до отъезда в Киев. М. В. Фридендер – автор около десятка научных работ, последняя из которых была написана в середине 1930-х гг. По стопам отца пошел старший сын Генрих-Андрей-Виктор Михайлович Фридендер (1911–1938), первоначально называвшийся в семье Генри, затем, однако, ставший, в том числе по документам, Андреем. Закончив ту же самую немецкую школу, он прошел годичное обучение в ФЗУ при мебельной фабрике (без рабочего стажа не было хода в вуз), после чего поступил на вечернее отделение Ленинградского электротехнического института (радиофакультет); окончил его в 1936 г. и был зачислен в штат в качестве ассистента, с перспективой поступления в аспирантуру; ранее он начал преподавать и в других учебных заведениях.

С 1932 г. А. М. Фридендер работал на ленинградском заводе «Светлана», был автором ряда внедренных на производстве изобретений и к 1937 г. дослужился до заместителя начальника Опытной мастерской. Роковую роль в его

⁵ В воспоминаниях Н. Я. Дьяконовой (см. примеч. 2 на с. 444) «нервность» Юры Фридендера возводится к «тяжелой наследственности», хотя правильное говорить об особых обстоятельствах жизни, в течение длительного времени, рядом с психически больным отцом (прогрессивный паралич является следствием заражения сифилисом).

судьбе сыграло то, что он работал в оборонной промышленности над «спецразработками». 25 июля 1937 г. вышел приказ НКВД о выявлении в оборонной промышленности и на транспорте немецких шпионов и диверсантов из числа германских подданных (а также бывших, принявших советское гражданство). В сентябре 1937 г. от Андрея Михайловича потребовали написать заявление об уходе со «Светланы» по собственному желанию, после чего его уже нигде не брали на работу. Он знал, что причиной было «немецкое происхождение» (сохранилась его записка об этом от 10 нояб. 1937 г.). А. М. Фридлиндер был арестован 29 дек. 1937 г., в день рождения матери, и расстрелян через месяц как «немецкий шпион». Семья о гибели Андрея, естественно, не знала и продолжала надеяться на его возвращение. Упоминания об этом проходят шемящей нотой по переписке Г. М. Фридлиндера с матерью.⁶

В письме от 29 июля 1944 г. Г. М. Фридлиндер назвал национальность «немец» «проклятой ошибкой в папиных бумагах», т. е. документах. Согласно инструкции, при выдаче паспортов в 1933 г. «этническая принадлежность опрашиваемого или владельца паспорта устанавливалась с его слов, но этим правом было наделено только старшее поколение. Дети наследовали эту запись уже как врожденную характеристику и вынуждены были определять свою национальность либо по отцу, либо по матери».⁷ В семье Фридлиндеров немцами были записаны отец и оба сына, французской – мать. Метрики сыновей из семейного архива содержат свидетельства об их рождении со ссылкой на киевскую евангелическо-лютеранскую консисторию (в ее ведении находилась и реформатская церковь); венчались родители в петербургской реформатской церкви на Большой Морской улице. В документах отца указывалось, что он был «немецкого реформатского вероисповедания»; мать была лютеранкой. Семья, кстати, была традиционного уклада, о чем говорят не только многочисленные (до середины 1920-х гг.) детские поздравления с христианскими праздниками, но и ответные упоминания Г. М. Фридлиндера о них в его письмах к матери военных лет (в одном из них, от 2 мая 1944 г. (с. 490), он извиняется перед ней за то, что не вспомнил о Пасхе, проведя этот день в поезде; показательное, что речь здесь идет о дате по русскому – нового стиля – календарю). В автобиографических записках Г. М. Фридлиндер вспоминал о рождественских службах в лютеранской Екатерининской церкви на Васильевском острове, куда водил его в детстве отец.

Переживание вопиющей, губительной неправды, связанной со своим якобы немецким происхождением, постепенно перерастало в стремление избавиться от этой «национальности», которая, как утверждал Г. М. Фридлиндер в письме от 30 нояб. 1943 г., испортила ему «немало крови за последние три года». Начало войны застало его в Архангельске, где с 1940 г. Г. М. Фридлиндер служил в педагогическом институте в должности и. о. доцента.⁸ 24 июня 1941 г.

⁶ В одной из автобиографий Г. М. Фридлиндер упомянул о своем брате, реабилитированном в 1958 г. (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, № 379, л. 44 об.).

⁷ *Байбури А. К.* К антропологии документа: паспортная «личность» в России // Антропология социальных перемен: Сб. ст. к 70-летию В. А. Тишкова. М., 2011. С. 540.

⁸ См.: *Макаров Н. А.* Выдающийся литературовед Г. М. Фридлиндер // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманит. и соц. науки». 2006. № 1 (9). С. 113–115.

он отправил матери письмо с распоряжениями, касающимися его документов и рукописей, ввиду своей близкой мобилизации. Однако действительность оказалась более сложной, поскольку призыв граждан немецкой национальности в РККА был остановлен сразу же после начала войны. «В армию меня пока не берут», – читаем в письме от 10 июля 1941 г. Г. М. Фридендер записался в народное ополчение и с осени три раза в неделю посещал учебные занятия при военкомате. Затем он вновь «проходил призыв», но был «оставлен до особого распоряжения» (16 нояб. 1941 г.). Положение изменилось в феврале 1942 г.: «Это письмо пишет Тебе <...> библиотекарь штаба 128-го строительного батальона... <...> Сначала я, вместе со всеми, был направлен в лагерь, где все мои товарищи в настоящий момент, вероятно, уже работают лопатой или топором. Но уже на второй день (это был день моего рождения – 9-го февраля, и он не мог не быть для меня счастливым!) я, благодаря своему образованию и научной деятельности, которая вызывает здесь священный трепет, был вызван в распоряжение штаба. <...> Обязанности мои: библиотека, лекции для бойцов и комсостава, организация выставок, проведение политзанятий в хозяйственном взводе, куда я вхожу» (11 февр. 1942 г.). Это писалось матери в утешение, в письме же от 31 марта 1942 г. к М. А. Лифшицу, ушедшему на фронт в самом начале войны, прошедшему через разгром на Днестре Пинской военной флотилии (сентябрь 1941 г.), окружение и плен, расстрельную яму и побег, одним словом, вполне изведавшему, что такое война,⁹ а теперь служившему в Главполитуправлении ВМФ, Г. М. Фридендер высказался с предельной резкостью: «...я никак не думал, что окажусь в таких нелепых, тыловых условиях».

Строительный батальон находился в ближайшем пригороде Архангельска Бакарице, где в то время шло строительство порта, способного принять по ленд-лизу большие океанские суда. 24 февр. 1942 г. Г. М. Фридендер принял присягу и тут же отправил матери удостоверение о том, что служит в РККА (сохранилось в архиве). Через два месяца он сообщил ей о переводе части строительного батальона в действующую армию (при этом умолчал, что остававшиеся в Бакарице военнослужащие представляли национальности, которые не подлежали призыву): «При ликвидации колонны мы заново прошли через комиссию, причем меня по ст. 11 (общее слабое физическое развитие) признали негодным к несению строевой службы <...> Начальник политотдела архангельского окружного управления Военстроя сказал мне, что в ближайшем будущем он возьмет меня к себе, в округ, на лекторскую работу». Это вдохнуло в него новую надежду, и он принялся «штурмовать начальство рапортами и заявлениями», о чем сообщил М. А. Лифшицу в письме от 31 марта 1942 г. (перевод в действующую армию назывался в них наиболее желательным), причем в одном из своих рапортов Фридендер «довольно обстоятельно попытался разъяснить как национальные моменты, так и вопрос об Андрюше».

⁹ Один из эпизодов военной биографии Лифшица был увековечен А. Т. Твардовским в поэме «Василий Теркин» (гл. «В бане»), см.: *Ботвин А. П.* «Анабазис»: война в документах, воспоминаниях и суждениях философа // Михаил Александрович Лифшиц / под ред. В. Г. Арсланова. М., 2010. С. 405–406.

Весной–летом Г. М. Фридендер развил бурную деятельность, пытаясь получить назначение то «в качестве штатного лектора при политотделе <...> Главвоентростра», то по «заявке из политуправления <Карельского> фронта» – «редактором одной из своих газет» (точнее: «в редакцию, где работает Гарик (Дьяконов)»),¹⁰ то на «прежнюю службу в пединститут» – на ту же кафедру или же другую, для преподавания политэкономики (письма от 1 мая – 17 июля 1942 г.). Все его планы, однако, рухнули «из-за дикого и нелепого упорства» непосредственного начальника и – «различных привходящих причин» (20 июля 1942 г.). И. М. Дьяконов, дважды отправлявший вызов для него в Архангельский военный округ, довольно скоро, однако, осознал, что Г. М. Фридендер не будет принят на службу в политотдел фронта, поскольку он, во-первых, не был «даже кандидатом» в члены ВКП(б), а во-вторых, согласно анкете, имел брата, осужденного по 58-й статье (письма от 13 марта и 12 июля 1942 г.).

К началу 1942 г. численность граждан немецкой национальности в Архангельске, как и повсеместно, была известна НКВД до последнего человека;¹¹ чтобы кого-либо из советских немцев оставить, например, в действующей армии, нужно было разрешение, ни много ни мало, командующего фронтом. Всех граждан немецкой национальности ожидала одна участь – мобилизация на трудовой фронт. Собственно, строительный батальон в Бакарице – это уже «трудовая армия»: именно так («мобилизован в Архангельске на трудовой фронт») писал Г. М. Фридендер в анкете 1946 г. о своей работе в архангельском Военно-строительном управлении. В конце июля Г. М. Фридендер был отправлен в Коми АССР, прошел через пересыльно-перевалочную базу в Котласе, где сформированные рабочие колонны передались военкоматами в ведение НКВД, и 4 авг. 1942 г. прибыл в поселок Жешарт. Здесь находился отдельный лагерный пункт (ОЛП) Севжелдорлага – исправительно-трудового лагеря, обслуживавшего Северо-Печорскую железную дорогу.¹² Жешартская колонна занималась лесозаготовками (в частности, шпал и дров для паровозов) и строительством завода авиационной фанеры.¹³

Социальный статус мобилизованных на трудовой фронт, числившихся вольнонаемными, был выше, чем у заключенных и спецпереселенцев.¹⁴

¹⁰ Имеется в виду издававшаяся на немецком языке газета «Der Frontsoldat». См.: Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. С. 533–572 и сл.; Ганелин Р. А. В штабе Карельского фронта (по воспоминаниям И. М. Дьяконова и Е. Г. Эткинда) // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2012. № 5 (126). С. 7–11.

¹¹ См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е годы) / сост., предисл., коммент. Н. Ф. Бугая. 2-е изд. М., 2000. С. 61.

¹² Об отряде трудмобилизованных немцев в Севжелдорлаге см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960 / сост. М. Б. Смирнов. М., 1998. С. 381.

¹³ Морозов Н. А. Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР в 1942–1946 гг. // Покаяние: Коми Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2013. Т. 10, ч. 1. С. 67–69.

¹⁴ О «трудовой армии» см.: Гончаров Г. А. «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: вопросы историографии, теории и практики // Вестник № 2 / Челяб. ин-т экономики и права. Челябинск, 2002. С. 67–95; Герман А. А., Илларионова Т. С., Плева И. Р. История немцев в России: Хрестоматия. М., 2005. С. 243–312 (гл. «Советские немцы в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие (1941–1955)»).

«Трудовая армия» (по аналогии с Красной армией!), «трудармейцы» – всё это неофициальные названия, а возможно, и самоназвания мобилизованных граждан, старавшихся с их помощью провести между собой и зеками четкую грань. Трудмобилизованные граждане должны были явиться при отправке их военкоматами на место работы в исправной одежде и обуви, с запасом белья, постельных принадлежностей, продовольствия и проч. Дальнейшее их обустройство, снабжение, вещевое довольствие возлагалась на НКВД. Режим проживания в Жешарте «трудармейцев» был, если судить по письмам Г. М. Фридлендера к матери, не самым жестким. Так, известно, что военизированная охрана была не на всех пунктах работы трудмобилизованных немцев,¹⁵ – это как будто прослеживается и по письмам Фридлендера. Условия же существования жешартских «трудармейцев» – в казармах за колочей проволокой, с вышками по краям зоны (Г. М. Фридлендер вспоминал об этом в своих позднейших записках) – были очень тяжелыми. В сообщениях матери о своем быте он был осторожен, во-первых, из-за опасений за ее здоровье, а во-вторых, из-за военной цензуры. В них нет тех страшных подробностей о жизни рабочей колонны в Жешарте, которые известны по двум отчетам, составленным в 1944 г. в ходе инспекции НКВД: «Жилищно-бытовые условия для мобилизованных администрацией биржи (т. е. лесобиржи. – С. Б.) были созданы крайне неудовлетворительные. Мобилизованные были размещены в плохо оборудованных, грязных бараках. Одеждой, обувью мобилизованные обеспечивались исключительно плохо, рабочие получали горячую пищу два раза в сутки, причем почти один жидкий суп из капустных листьев, жиров и овощей почти не получали. <...> смертность среди мобилизованных крайне высока <...> около ста человек ввиду резкого истощения (дистрофия 1 и 2 степени) превратились в инвалидов, которых лесобазы активировала, снабжая хлебом по 300 грамм в сутки как неработающих».¹⁶

В послевоенном письме к М. А. Лифшицу, вспомнив о Жешарте, Г. М. Фридлендер обронил: «Как там ни было страшно...» (5 апр. 1949 г.). О казарменном быте он матери не писал; лишь в 1944 г., перейдя на частную квартиру, упомянул, что в былой его казарме (Лифшицу он охарактеризовал ее как «клоповник») проживало двенадцать человек. Схема питания, описанная в одном из его жешартских писем, не во всем совпадает с представленной в отчете 1944 г. (возможно, она была им приукрашена): «горячую (жидкую) пищу» в 1942 г. давали трижды в день (судя по всему, это была балада), а кашу – только два-три раза в неделю. Тем не менее Г. М. Фридлендер постоянно повторял в письмах, что питается «сносно». Почему? Анжель Морисовна пережила первую блокадную зиму, потеряв мужа, а затем и домработницу, друга всей семьи (в письмах осталось лишь ее имя: Мария Георгиевна), долго и тяжело болела на протяжении 1942–1943 гг. (из них восемь месяцев провела в больнице). Г. М. Фридлендер знал правду о жизни блокадного города, поскольку еще в Архангельске общался со многими эвакуированными

¹⁵ См.: *Гончаров Г. А.* Рабочие колонны на Урале в годы Великой Отечественной войны: Формирование и размещение // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 9 (59). С. 141–142.

¹⁶ *Морозов Н. А.* Мобилизованные группы... С. 69.

ленинградцами, находил он их и на территории Коми. Поэтому, сообщая матери 12 нояб. 1942 г. о том, что ему «иногда <...> приходится подтянуть свой ремень потуже», подчеркивал: «...я не из тех людей, которые придают большое значение подобным временным лишениям; по сравнению с ленинградской прошлой зимой мы существуем и питаемся роскошно – до жгучего стыда! Об этом я не забываю». В жешартских условиях Г. М. Фридлиндер не видел того, что можно было бы сравнить с ужасом первой блокадной зимы. И. М. Дьяконов написал Г. М. Фридлиндеру 14 авг. 1942 г. в Жешарт: «... всё это – лучше, чем Ленинград».

Питание «трудмобилизованных» производилось за их счет, посредством вычетов из зарплаты, по нормам, соответствовавшим лагерным. «Трудармеец» Г. М. Фридлиндер, относившийся к вспомогательному контингенту (работа в конторе), получал 600 г хлеба (ср. в письме от 11 февр. 1942 г. о хорошем солдатском питании в Бакарице: «Кормят нас 3 раза в день, паек – 800 гр. хлеба в день, 3 раза густая мясная или рыбная похлебка – лапша и крупа или крупа и капуста, сахар на неделю»). В целом, как и повсеместно на всей территории СССР, трудмобилизованных в Жешарте кормили с вопиющим нарушением норм (прежде всего за счет удержания мяса, жиров, овощей); как писал Г. М. Фридлиндер 12 нояб. 1942 г., их рацион сводился к «муке, крупе, рыбе». Что касается вещевого довольствия (за него также делались вычеты из зарплаты), то упоминания о нем в письмах встречаются крайне редко, главным образом в 1944 г. Г. М. Фридлиндера спасло то, что он был призван в «трудовую армию» из Архангельска и явился на призывной пункт с теплой одеждой. Е. А. и П. Л. Старёцы, эвакуированные в декабре 1941 г. и, как соседи по ленинградскому дому, приютившиеся в Архангельске у Г. М. Фридлиндера, переслали ему в Жешарт в посылках оставшуюся одежду и белье. Тем не менее уже с конца 1942 г. он называл себя в письмах (3 дек. 1942 г., 15 янв. 1944 г.) «настоящим оборванцем».

В письме от 4 мая 1943 г. Г. М. Фридлиндер указывает свою зарплату (600 руб.) и сумму вычетов из нее, называя их своими «тратами» (250–300 руб.). Сообщение о том, что у него нет «возможности и случая тратить» остальное, дополняется более конкретным сообщением в письме от 25 апр. 1942 г. о намерении послать матери перевод: «Разве я не писал Тебе, что эти деньги мне *абсолютно* не нужны? Они всё равно лежат без движения на моем текущем счету, так как все мои личные расходы сводятся к почтовым и еще – уплате членских взносов в комсомол; за питание и обмундирование вычитывают из моей зарплаты, а прикупать мне не приходится». Действительно, зарплата в это время «трудармейцам» не выдавалась. Существовала возможность перевода денег родным, но она была обставлена множеством препон: требовалось добиться не только разрешения начальства, но еще и выполнения его со стороны бухгалтерии (см. письмо от 30 сент. 1943 г.). Бухгалтерия ссылалась на отсутствие денег, и Г. М. Фридлиндер недаром назвал весь этот процесс волокитой.

В феврале 1944 г. часть трудмобилизованных немцев в Жешарте была переведена в разряд спецпоселенцев. Г. М. Фридлиндер переходит на частную

квартиру, отказывается (в обмен на карточки) от питания в столовой и начинает получать зарплату. Это совпало с переменой в жизни всех ленинградцев – полным снятием блокады. «Тебе стало жить легче – во мне зашевелился эгоизм...», – написал Г. М. Фридлиндер 5 марта 1944 г. Анжел Морисовна сразу же получила от него множество просьб о посылках (для посылки весом 8 кг требовалось разрешение, и она сумела получить его) и, главное, деньгах: оказалось, что ему для проживания в Жешарте нужны, в добавление к зарплате (в тот момент это уже 700 руб.), еще и 1000 руб. ежемесячно. Этим просьбам предшествовало письмо М. А. Лифшица, который хорошо знал жизнь А. М. Фридлиндера (он бывал у нее с 1943 г., приезжая в Ленинград, а летом–осенью 1944 г. останавливался у нее, устраиваясь для продолжительной работы в Военно-морской академии): «Если все-таки материальные недостатки серьезны в смысле осязаемого ущерба для здоровья («питания не та» – увы! – повсюду), то, по-моему, нужно, не стесняясь, попросить маму продать что-нибудь из вещей и выручить определенную круглую сумму <...>. Материальный ущерб Вы легко сумеете возместить по окончании всей этой глупой истории (имеется в виду пребывание в качестве «немца» в «трудовой армии». – С. Б.), а пример многих ленинградцев – в том числе нашего друга Воли, оставившего после себя большое наследство соседям и управхозам, – учит тому, что здоровье сохранять следует с большим тщанием, чем традиционный уют». В кругу Г. М. Фридлиндера живо обсуждались обстоятельства смерти от истощения в январе 1942 г. «друга Воли» – В. А. Римского-Корсакова (внука композитора), по словам И. М. Дьяконова в письме от 1 апр. 1942 г., «чистого, благородного, милого и наивного человека»: «...в этом виновата его мать, т<ак> к<ак> она пожалела продать какие-то вещи». Это мнение разделяла и А. М. Фридлиндер, сообщившая в 1942 г. сыну, что Ю. Л. Вейсберг-Римская-Корсакова (1878–1942) не смогла пережить смерть Воли.

А. М. Фридлиндер с готовностью откликнулась на просьбы сына, лишь в 1944 г. решившегося просить ее о денежной помощи, тем более что и ранее поддерживала себя продажей имущества. За годы войны ею была продана мебель из спальни и столовой (по сообщению в одном из писем: «Сейчас я проедаю свою спальню»), фарфоровая и хрустальная посуда, драгоценности. Выживание на жешартской лесобазе «трудоармейца» Фридлиндера было, в первую очередь, связано с позволявшим ему беречь физические силы положением конторского служащего – экономиста-плановика. При этом до февраля 1944 г. он жил в казарме в тех же условиях, что и все «трудоармейцы», и питался в той же столовой, не получая помощи из Ленинграда. Те описания обедов и ужинов, которыми наполнены его письма к матери 1944 г., свидетельствуют, конечно же, о самочувствии изголодавшегося человека.

Работа на жешартской лесобазе имела сезонные колебания, поскольку была связана со сплавом леса на Вычегде. Летом, когда начиналась самая интенсивная работа, конторских служащих привлекали к выкатке и погрузке леса, о чем Фридлиндер неоднократно упоминал в своих письмах (например, 11 июля 1944 г.: «...это бывает сейчас везде, если работа этого требует»). «Честно зарабатываю свой кусок хлеба», – так написал он о себе матери

в письме от 20 февр. 1943 г. Нередки в его письмах и упоминания о том, что «трудармейцы» работают «здорово» (20 сент. 1942 г.). По утверждению Н. А. Морозова, «архивные документы лагерей, дислоцированных в Коми АССР, полны сообщений о трудовой доблести и героизме трудармейцев-немцев».¹⁷ Письма Г. М. Фридлендера из Жешарта проникнуты сознанием, что он разделяет невзгоды военного времени вместе со всем народом и что его труд имеет отношение к подготовке победы над Германией. Эта убежденность укрепляла в нем внутренний стержень, не позволявший стереть «в пыль» его личность. Самые большие страдания, о которых он пишет матери, причиняло ему отсутствие книг, газет, радио, общая научно-культурная изоляция. Потребность интеллектуальной деятельности была у Г. М. Фридлендера настолько сильной, что она и в Жешарте не прекращалась, выливаясь в письма к друзьям и разного рода начинания, предлагавшиеся ему близкими людьми.

В одном из писем 1944 г., после вечера, проведенного в доме Анжель Морисовны, М. А. Лифшиц так охарактеризовал письма самого Г. М. Фридлендера к ней: «...они явно распадаются на два типа: 1). письма, рассчитанные на то, чтобы успокоить близких людей; 2). письма, напоминающие о себе и своем горе (последних меньше)». С самого начала, еще с архангельского строительного батальона, близкие Г. М. Фридлендеру люди (в первую очередь М. А. Лифшиц) приняли огромное участие в том, чтобы вызвать его из «трудовой армии». Различные пути прокладывались ими в поиске законных механизмов, протекций и ходатайств на протяжении 1942–1945 гг. Самым простым казался путь, связанный с устранением ошибки в установлении национальности (немцы были мобилизованы в «трудовую армию» до окончания военных действий, война же затягивалась). По этому пути пытались еще в 1937–1938 гг. идти многие из тех, кто оказался под ударом репрессий и ограничений со стороны государства. Циркуляр НКВД от 2 апр. 1938 г. разъяснял порядок действий по этим жалобам, указывая, в частности, что в случае, если у гражданина родители были «немцами, поляками и т. д.», он же требует зарегистрировать себя «русским, белорусом и т. д.», то «графа о национальности не заполняется до предоставления заявителями документальных доказательств».¹⁸ Новый поток жалоб пошел в государственные органы из «трудовой армии», что вызвало появление ряда инструкций НКВД. Директива от 28 марта 1942 г. требовала «делать запросы в органы НКВД и военкоматы по месту мобилизации заявителя, а при необходимости <...> по месту рождения или проживания».¹⁹

В июне 1943 г. Г. М. Фридлендер обратился с заявлением в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), переданным затем в Главную военную прокуратуру РККА, в котором утверждал, что его родители являются евреями и что он ошибочно, как «немец», лишен возможности защищать Родину на фронте. К заявлению Г. М. Фридлендера прилагалось и ходатайство М. А. Лифшица

¹⁷ Морозов Н. А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948–1954 годы). Сыктывкар, 1998. С. 103.

¹⁸ См. об этом: Байбури А. К. К антропологии документа... С. 541.

¹⁹ «Мобилизовать немцев...». С. 135.

о переводе его из «трудовой армии» на «литературную работу», т. е. в одну из фронтовых газет. 27 авг. 1943 г. в больницу им. В. И. Ленина пришла инспектор милиции Виноградова для снятия показаний от лечившейся там Анжель Морисовны, которая заявила, что муж и она по национальности – немец и француженка. Почему это произошло? А. М. Фридлиндер была против этой инициативы сына, поскольку боялась, что он окажется в действующей армии, т. е. на фронте... О своем отрицательном отношении к перемене национальности она написала Георгию Михайловичу 4 авг. 1943 г. (см. п. 36, примеч. к нему; еще раз о позиции матери он прочитал в письме М. А. Лифшица осенью 1944 г.). В конце 1943 г. А. М. Фридлиндер все-таки начала выполнять просьбы сына, стараясь исправить свои показания (при этом ни в одном своем письме она не извинилась перед ним за сказанное инспектору лично при первой встрече, поскольку это было сделано ею сознательно, по убеждению). Были проведены в семейном архиве и поиски тех документов, которые могли подтвердить указанные Г. М. Фридлиндером факты. Однако их почему-то в этот момент не нашли (они были «найжены» Анжель Морисовной позднее, в самом конце войны), да и изменения в уже сделанные показания внести не удалось... Трудно сказать, как могли развиваться события, если бы Анжель Морисовна с самого начала засвидетельствовала иные данные о себе и муже. Получил бы Г. М. Фридлиндер нужную отметку в паспорте и демобилизацию из «трудовой армии» уже в конце 1943 г.? Судя по тому, сколько усилий и времени ушло на вторую попытку такого рода, закончившуюся уже после войны, – успех был маловероятен.

Вопрос о национальности Г. М. Фридлиндер считал «исторической трухой», ускользнувшей от внимания родителей в момент получения ими первых советских паспортов, но сыгравшей трагическую роль в истории семьи. Летом 1944 г. Г. М. Фридлиндер решил предпринять новую попытку. На этот раз он предварительно испросил у Анжель Морисовны согласие на этот шаг, а затем, в письме от 8 июня 1944 г., дал ей подробные инструкции, поскольку теперь заявление могло исходить только от нее. В результате он был демобилизован из «трудовой армии» 1 нояб. 1945 г. (демобилизация «трудармейцев» началась во второй половине 1945 г., осуществлялась не без сложностей и растянулась в конечном счете на десятилетие). Для того чтобы это наконец произошло, были предприняты огромные усилия со стороны, главным образом, М. А. Лифшица и А. М. Фридлиндер (ее инициативность возрастала по мере приближения конца войны). На страницах их писем, а также И. М. Дьяконова, О. И. Ильинской, Т. Н. Лурье и других, упоминается в 1943–1945 гг. множество учреждений и имен, которые были задействованы в поисках разного рода путей: председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин, первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник, писатель И. Г. Эренбург (вместе с Е. Ф. Усиевич и В. С. Кеменовым²⁰

²⁰ Во всем, что предпринималось М. А. Лифшицем в Москве для вызволения Г. М. Фридлиндера, главной фигурой был *Владимир Семенович Кеменов* (1908–1988), обладавший самым высоким в этом кругу положением (председатель правления ВОКС – Всесоюзного общества культурной связи с заграницей).

они хлопотали перед Шверником), директор ЛГУ А. А. Вознесенский, академики Л. А. Орбели, И. А. Орбели, А. А. Байков, С. И. Вавилов, И. П. Бардин, И. В. Гребенщиков и др. Дело оживилось после возвращения из эвакуации Института русской литературы; здесь самое деятельное участие в организации вызова Г. М. Фридендера для работы в трудах института приняли П. Н. Берков, Б. М. Эйхенбаум, Л. А. Плоткин. Вызовы из ИРЛИ и ЛГУ (в университет – для преподавательской работы), снабженные отзывами ведущих научных сотрудников и профессоров, были поддержаны Президиумом АН СССР. Каким же был итог?

Приказ о демобилизации Г. М. Фридендера был подписан в Москве 25 июля 1945 г. (сообщалось в письме О. И. Ильинской к М. А. Лифшицу, 25 авг. 1945 г.), но разрешения на проживание в Ленинграде он не получил (была дана лишь командировка на неделю в конце ноября 1945 г., когда мать и сын наконец встретились). Он стал преподавателем пединститута в Ярославле, куда приехал в декабре 1945 г. При оформлении документов Г. М. Фридендер получил и новую отметку в графе «национальность». Правомерен вопрос: поскольку его освобождение из «трудовой армии» не было связано с вычерком национальности «немец», была ли эта перемена благотворной в судьбе Г. М. Фридендера? Ошибочность его депортации в одном потоке с советским немцами не была признана властями, запретившими ему въезд в Ленинград! К перемене паспортных данных своего друга весьма настороженно относился М. А. Лифшиц, вопрошавший его в письме от 14 авг. 1944 г.: «...моральная проблема, Вас тяготящая, совершенно пала в цене <...>. Кто знает, много ли Вы выиграете от исправления ошибки Ваших родителей? Короче говоря, моральная проблема просто не существует.²¹ Если всё это (имеется в виду значение национальности «немец» для послевоенного времени. – С. Б.) отразится на карьере – но нет, не думаю, да и шут с ней. Много ли выиграют другие, скажем, Игорь <Сац>, я или <И. Е.> Верцман? Был бы дух спокоен, да сносная среда, ибо чужая среда, даже не плохая, очень утомляет».

В августе 1946 г., после повторения вызова Президиума АН СССР, Г. М. Фридендер приехал наконец в Ленинград и стал работать в должности ассистента в Первом Ленинградском пединституте иностранных языков. Когда

²¹ Письмо написано с оглядкой на военную цензуру, но, по-видимому, под «моральной проблемой», которая «пала в цене» (думаем, под воздействием побед шествовавшей по Европе Красной армии), имелась в виду бескомпромиссность высказываний о немцах как нации в литературе начала войны, в частности, в прозе и стихах И. Г. Эренбурга: «Мы знаем всё. Мы помним всё. Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружье. <...> Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! – это просит старуха-мать. Убей немца! – это молит тебя дитя. Убей немца! – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!» (очерк «Убей!», опубл. 1942, газ. «Красная звезда»); см. также стихи Эренбурга «Убей!», «Немец», «Проклятие», «Немецкий солдат» и др. в его сборнике «Стихи о войне» 1943 г., стихотворение К. М. Симонова «Если дорог тебе твой дом...» (опубл. 1942, газ. «Красная звезда», под заглавием: «Убей его!»). Многочисленны были плакаты, варьировавшие призыв «Убей немца!». Лифшиц был прав, предвидя изменение в раскрытии этой проблематики в преддверии обустройства новой Европы.

началась кампания против космополитизма, ему сразу же напомнили «жешартскую эпопею». 5 апр. 1949 г. он написал М. А. Лифшицу: «...о ней вспомнили и заинтересовались. Заинтересовалась, вероятно, комиссия, приехавшая из Москвы для проверки нашей работы <...>. Комиссия эта рыщет, а придраться ей, по существу, не к чему. И вот они схватились за мою анкету. <...> Пока же меня вежливо попросили представить объяснительную записку с изложением всей старой грязи. Тем временем меня усиленно стенографируют и изучают мою научную продукцию. Забавно при этом то, что на нашей кафедре я, вероятно, единственный человек, к которому действительно не в чем придраться, если подходить к делу сколько-нибудь серьезно. Я окружен людьми, которые систематически несут околесицу и часто вредную – поют хвалы всяким декадентским красоткам и черт знает чему. А ругать будут меня». Наконец 22 дек. 1949 г.: «...есть целый ряд сугубо тревожных симптомов, говорящих за то, что я после окончания семестра, вероятно, буду “отставлен” из своего института. <...> Сейчас нас усиленно проверяет горкомовская комиссия. <...> истории с трудармией придается слишком большое значение, и тут уже ничего нельзя поделать».

В итоге, Г. М. Фридлендер был уволен в январе 1950 г., причем без права преподавания где бы то ни было; вновь на работу он поступил в 1955 г. в Институт русской литературы; в промежутке между этими датами занимался, как он писал в своих анкетах, «литературной работой» (внештатный редактор и рецензент в издательствах «Художественная литература», «Советская энциклопедия» и других, где в полной мере развернулось его дарование исследователя-энциклопедиста). При поступлении в ИРЛИ Г. М. Фридлендеру пришлось коснуться в анкете и «жешартской эпопеи»: «Отец мой, как и моя мать, родился в Петербурге, был до революции русским подданным, но происходил из семьи еврейского происхождения, перешедшей в немецкое реформатское вероисповедание. На этом основании он, а вслед за ним и я были записаны органами милиции по паспорту немцами по национальности. В 1945 г., при моей демобилизации, органами милиции было вынесено новое определение о моей национальности, и я был записан по паспорту евреем – по происхождению семьи моего отца. Однако в январе 1953 г. Управление милиции по Ленинградской области постановило вновь обменять мне паспорт и восстановить прежнюю запись о моем немецком происхождении.²² Такое двукратное изменение графы о национальности в моем паспорте заставило меня обратиться в Главное управление милиции СССР, которое, однако, ответило, что новый паспорт выдан мне правильно (ответ за № 2/26525/2 от 8.07.1953)».²³ Можно было бы считать это итогом «жешартской эпопеи», если бы не одно обстоятельство.

²² Проблема возникла из-за расхождений в анкетных данных послевоенного периода с более ранними. Г. М. Фридлендер неоднократно вызывался для объяснений в милицию, после чего было принято решение о возвращении в его паспорт старой записи (с указанием на неверные действия с документами при перемене национальности).

²³ СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, № 379, л. 6–6 об. Ср.: Дьяконова Н. Я. Мои воспоминания. С. 438.

В том потоке писем к Г. М. Фридендеру, который шел в Жешарт в 1942–1945 гг., важное место занимает исходивший от его друзей и близких призыв к терпению. Осенью 1944 г. М. А. Лифшиц писал: «Желающего судьба влечет, нежелающего – тащит. Так говорил, если не вру, Сенека. Сам я философом быть не умею <...>. Но Вам советую выработать в себе сыворотку терпения. <...> Против моральной доуки может помочь только работа мысли, ибо *по существу дела* все в таких же условиях, как Вы, т. е. нет человека, который мог бы заниматься только своим прямым и любимым делом». Все, без исключения, кто писал «трудармейцу Фридендеру», верили, что его ждут выдающиеся научные успехи: «...как бы ни задержало Вас нынешнее положение вещей, – писал Лифшиц, – Вы не останетесь позади, потому что это просто невозможно». Точнее же всех смысл «жешартский эпопеи» выразил, на наш взгляд, «фаталист» И. М. Дьяконов: «Может быть, когда Вы бедствуете, это судьба Вас хранит» (14 авг. 1942 г.); и наконец, как будто из Достоевского: «...твое бедствия предначертаны свыше для сохранения твоей жизни» (26 апр. 1945 г.).

Письма печатаются по автографам без конкретизации шифра хранения, поскольку фонд Г. М. Фридендера (РО ИРЛИ, ф. 929) и фонд М. А. Лифшица (Архив РАН, ф. 2029)²⁴ находятся в стадии обработки. Публикация писем нацелена на воспроизведение обстоятельств жизни Г. М. Фридендера в трудармейском лагере, а также тех общественно-исторических проблем, которые затронуты во вступительной статье; фрагменты, выходящие за пределы означенной проблематики, а также начальные (обращения к матери, исключительно нежные и разнообразные по форме) и заключительные (приветы, напутствия, подписи), купированы. На всех письмах военных лет стоит штамп военной цензуры. Орфография и пунктуация публикуемых писем приведены в соответствие с современными нормами, но с сохранением ряда индивидуальных написаний.

²⁴ Публикация писем Г. М. Фридендера к М. А. Лифшицу стала возможна благодаря работе коллектива «Архив Мих. Лифшица» – научного содружества под руководством В. Г. Арсланова, выпустившего за последние семнадцать лет более десятка книг по материалам обширного архива философа.

Письма к А. М. Фридендер

1. <Жешарт. 8 авг. 1942>

Дорогая моя мамуля! Только сегодня имею возможность черкнуть Тебе, да и то 2 слова. Итак, я на новом месте – райвоенкомат передал меня из расположения Военно-строительного управления на трудовой фронт. Адрес – Коми АССР, Усть-Вымский район, село Жешарт, колонна № 3а. Это между Котласом и Сыктывкарком на реке Вычегде. Работаю пока на физическом> работе (нетрудной), в будущем обещают перевести в контору, вероятно, это будет на днях. <...>

2. <Жешарт. 10 авг. 1942>

<...> Не сетуй на меня, если буду писать отсюда реже, чем раньше: здесь очень трудно выкроить время даже для того, чтобы написать два слова. 13 часов из суток проходят на рабочем месте, 12 за работой и 1 час за обедом. Остаются 11, из них 8 на сон, по часу на завтрак и ужин (очередь!), остается максимум при самых благоприятных условиях 1 час или 2 свободного времени, не всегда. Пока я все еще выполняю ту же не трудную, но скучную работу – сигнальщика на лесобирже (махаю флажком и этим даю знать лебедке о времени и направлении движения). Но я договорился с экономистом, которому нужен помощник, что он на днях возьмет меня к себе, – придется переждать лишь несколько дней, так как на производстве сейчас очень остро обстоит вопрос с рабочей силой. <...> я очутился так далеко от Тебя и настолько отрезан от всего мира (здесь нет радио, а газеты приходят с опозданием на 6–7 дней!), что я не могу советовать Тебе ничего и вынужден молчаливо ожидать Твоих писем. Вся моя надежда – на любовь, соединяющую нас. Она должна дать нам силы выдержать все испытания, чтобы, в конце концов, снова соединиться для счастливой и мирной жизни на земле, освобожденной от врага. Думай о себе во имя этой любви и не пренебрегай ничем, что может поддержать Твое здоровье и облегчить Твою жизнь. <...> друзья помогут Тебе советом, да, вероятно, и не только советом. Передай им мою горячую благодарность, скажи, что я их неплатный должник, да что? – самое слово «долг» здесь неудобно употреблять, настолько велико то, что они для Тебя сделали. Что касается моих советов, то я могу лишь напомнить об участии Миши¹ и Тамары,² готовых оказать Тебе любую помощь, и сердечном и искреннем приглашении Ляли и Софьи Григорьевны.³ Может быть, в этом случае Яша⁴ мог бы все же Тебе помочь? Если бы Вы были вместе, я благословлял бы судьбу. <...>

¹ Миша – М. А. Лифшиц. В письмах Фридендера большое место отводилось обсуждению планов эвакуации матери из блокадного Ленинграда, причем наиболее желательным для него был ее отъезд в Москву, где Лифшиц брал на себя заботу о ней. М. А. Лифшиц был лидером так называемого философско-эстетического «течения» 1930-х гг., представлявшего собой оригинальное культурное явление в жизни СССР того времени. Центром «течения», куда входили венгерский философ Георг Лукач, литературные критики Е. Ф. Усиевич, И. А. Сац,

В. Б. Александров (Келлер), В. Р. Гриб, писатель Андрей Платонов, были журналы «Литературный критик» и «Литературное обозрение» (см. с. 496, примеч. к п. 85). Борьба за идеалы высокой классической культуры и неприятие всякого официоза и вульгаризаторства сочетались в деятельности «течения» с трезвой, реалистической позицией, позволявшей отстоять наследие художественной и философской классики в трудный период русской истории. Яркие выступления представителей этого «течения» 1930-х гг. привлекали на его сторону мыслящую молодежь, среди которой был и студент Ленинградского университета Г. М. Фридендер (см. также с. 468, примеч. 1 к п. 26, с. 474, п. 39 и примеч.).

² *Лурье Тамара Ноевна* (1911–1990) – переводчица, сотрудница многих московских издательств, вдова Владимира Романовича Гриба (1908–1940).

³ *Ильинские* – Ляля, Ольга Игоревна (1911–1986) – филолог, ее мать Софья Григорьевна (ум. 1960), санитарный врач. Они были эвакуированы из Москвы в Иркутск, где О. И. Ильинская работала в пединституте и университете. Ильинские приглашали А. М. Фридендера в Иркутск. Дружба Ляли с Г. М. Фридендером началась во время учебы в университете; она была женой его друга Я. Л. Бабушкина. Об этом студенческом кружке см.: *Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства: (На крутых поворотах советской истории). Киев, 2001. С. 65–82.

⁴ *Бабушкин Яков Лейбович* (1913–1944) – ближайший друг Г. М. Фридендера, после окончания ЛГУ в 1938 г. поступил на работу в Ленинградский радиокомитет, в годы блокады главный редактор литературно-художественного вещания, член ВКП(б) с 1939 г.

3. <Жешарт. 23 авг. 1942>

<...> В последние дни начал тосковать по книге – хотелось хотя бы урывками читать по 5–6 страниц в день. Тянет, как пьяницу или как курильщика опиума. В остальном всё у меня благополучно. С работой справляюсь, кое-как, думаю, что постепенно овладею новой профессией.¹ <...>

¹ Имеется в виду профессия экономиста-плановика.

4. <Жешарт. 28 авг. 1942>

<...> третьего дня получил сюда уже первое письмо, пересланное мне из Архангельска моими соседями, – от Михаила Александровича! Он, как всегда, трогательно заботлив по отношению ко мне и к Тебе. Пишет, что отправил в Ленинград два письма – от имени президиума Союза советских писателей, на имя лен<инградского> отд<еления> Союза, и одного из членов Военного совета. Кроме того, он писал Тебе лично с одним профессором, выехавшим в Ленинград. Он ждет Тебя в Москве, а, если ему не удастся устроить Тебя у себя, в будущем думает перевезти Тебя в Чистополь, где находятся его дети и Рита.¹ У меня всё по-старому – поэтому о себе не пишу. Работаю много, даже не всегда успеваю выспаться, но здоров и не унываю. <...> Много пришлось нам перенести за этот год, скольких близких нет, какие глубокие раны он оставил навсегда! Но твердо верю в скорое лучшее будущее, верю в нашу любовь и способность выдерживать все испытания и снова соединиться для лучшей, счастливой жизни. <...>

¹ Чистополь – город в Татарстане, куда был эвакуирован из Москвы Союз писателей СССР. Во время войны там жил и писатель Н. Г. Лурье (1885–1960), отец Тамары и Риты Лурье (см.

примеч. 2 к п. 2). До середины 1943 г. Р. Н. Лурье работала воспитателем в чистопольском детском интернате Литфонда, где находились дети Михаила Александровича Лифшица (см.: Странники войны: Воспоминания детей писателей. 1941–1944 / Сост. Н. А. Громова. М., 2012. С. 43, 141, 368).

5. <Жешарт. Первые числа сент. 1942>

<...> Из Твоих писем я достаточно понял, насколько серьезно Твое недомогание, хотя Ты и хочешь скрыть от меня. Когда закрываю глаза и стараюсь увидеть Тебя перед собой, невольно вижу Тебя худой, страшно бледной и истощавшей, с грустными, жалкими глазами и впалыми щеками. Пишу это и плачу, как ребенок. Ах, дорогая, если бы всё могло быть иначе, и мы бы опять могли быть вместе. Хочу думать и верю, что это будет и уже не за горами. <...>

6. <Жешарт. 5 сент. 1942>

<...> Работаю по-прежнему техучетчиком, веду журнал технического учета, составляю различные сводки и графики. Всё это, в конце концов, сравнительно неплохо. Только с моим непосредственным начальством идет свистопляска: за последние 10–12 дней у нас сменилось 4 экономиста, последний – четвертый – должен приступить к делам сегодня, он уже приехал, но пока в управлении, и я с ним еще не знаком. <...> не имею ни газет, ни журналов и о Ленинграде сегодня сужу по июню–июлю. <...>

7. <Жешарт. 12 сент. 1942>

<...> Ляля прислала мне сюда такое милое и трогательное письмо, что я всплакнул, читая его. Хорошо иметь таких верных друзей – лишь бы настала скорее возможность увидеть и обнять их снова. Как Ты? Как Твое здоровье и самочувствие? Приближается ли Твой отъезд? Как живете сейчас вообще вы, ленинградцы? Я здесь отрезан от всего мира: без радио, почти без газет, живу случайными известиями, доходящими и то с большими опозданиями. <...> Новый мой начальник оказался очень милым человеком, работать с ним хорошо и легко, хотя работы у нас обоих немало – замучила глупейшая переписка, масса сводок, бумаг, приказов и прочей бумажной волокиты. <...>

8. <Жешарт. 19 сент. 1942>

<...> как далеко ни разбросала нас друг от друга война, все мы продолжаем ощущать свою неразрывную связь. Это я говорю о чувстве связи с друзьями, а что сказать о связи, соединяющей нас с Тобой?! Забыть о ней, потерять на минуту ощущение этой близости – невозможно. Я освоился со своей работой, хорошо лажу со своим новым начальником, который оказался человеком очень симпатичным и прекрасным работником. Теперь у нас новое расписание – работаем утром и вечером, а днем – с 1 ч. до 6 делаем перерыв, если нет сверхсрочной работы. Часть этого времени идет на перекрытие ночного недосыпания (сплю, примерно, с 1 ч. до 5 ч., до 5 ч. 30 м.), а остальное время

могу прогуляться по производству и мог бы даже читать, если бы только здесь были книжки. <...>

9. <Жешарт. 20 сент. 1942>

<...> Сейчас мой экономист болен уже несколько дней, и я веду работу самостоятельно, причем справляюсь с ней, а следовательно, кое-как освоился с делом. Вчера впервые в жизни совершил целый подвиг на поприще финансово-экономических наук: составил подробный и доскональный анализ выполнения плана за полмесяца, причем без особых затруднений. <...> У нас сейчас проходит фронтовой декадник по выкатке леса из воды – подходит конец сплава, и нужно до того, как река замерзнет, спасти весь сплавной лес. Народ работает здорово. Сегодня в связи с этим у нас вечером будет концерт, Впрочем, вероятно, не слишком привлекательный для такого гурмана в области искусства, как Твой покорный слуга. Что еще написать Тебе о себе? У меня здесь завелся один полуприятель, ленинградец, инженер-электрик из Главной палаты мер и весов.¹ Иногда мы в свободные минуты делимся с ним общими воспоминаниями о Ленинграде и вообще балагурим на разные темы. <...>

¹ Главная палата мер и весов (ныне Всероссийский научно-исследовательский институт метрологии им. Д. И. Менделеева). По-видимому, речь идет о Марке Юлиановиче Тиссене, многократно упоминаемом в письмах Г. М. Фридендера. Мобилизованный в «трудармию» в сентябре 1942 г., он, как и Фридендер, был в 1944 г. переведен в разряд спецпоселенцев. В 1946–1955 гг. работал в секретных подразделениях, ковавших ядерный щит СССР, – сначала в Обнинске (Калужская обл.), а затем в пос. Сунгуль (Челябинская обл.). Об этой работе, не называя ее предметно, Тиссен с восхищением писал Фридендеру как о воплощении своих научных мечтаний. Впоследствии работал в Институте биофизики (ныне Институт теоретической и экспериментальной биофизики РАН, Пущино). См.: *Емельянов Б. М., Гаврильченко В. С.* Лаборатория «Б»: Сунгульский феномен. Снежинск, 2000. С. 85–86.

10. <Жешарт. 30 сент. 1942>

Дорогая моя, любимая мамуля! Получил наконец Твое долгожданное, дорогое письмецо из больницы от 11/IX и одновременно два письма от тети Цили,¹ в которых она пересылает мне Твои старые письма, вернувшиеся из Бакарицы. <...> Сначала я взялся за Твое письмо, потом, испуганный, стал смотреть другие, чтобы понять, какое же письмо последнее и каково Твое состояние *теперь*. Несколько раз я принимался за эту разборку и несколько раз должен был прервать чтение, потому что *не мог* читать. Слезы меня душили, и нескоро я смог овладеть собой и вникнуть в ваши драгоценные строки.

<...> Главное, что заставляет меня верить и надеяться на лучшее, несмотря ни на что, – это то, что Тебе удалось наконец установить связь с Мишей и что Твой приезд в Москву, где Тебя ждет забота, необходимый уход, лучшее питание, люди, которые окружают Тебя всем тем вниманием и любовью, которые Тебе нужны, – принципиально перешел из стадии ожидания в стадию чего-то вполне реального. <...> Я живу по-прежнему, освоился со своей работой и, кажется, добился даже того, что здешнее начальство меня немножко ценит,

а это здесь нелегко, так как начальство здесь мало внимательно к людям. Это относится к командованию колонны, что же касается до моего непосредственного начальника – экономиста, то это необыкновенно милый, культурный и знающий человек и работать с ним исключительно приятно. На днях его должны были взять в действующую армию, но, на мое утешение, оставили здесь. <...> Я вполне здоров, за весь этот год не валялся – тьфу, тьфу! – ни одного дня, более или менее (как видишь, пишу *вполне* откровенно) сыт, в тепле и вообще не подвергаюсь никаким особым лишениям и опасностям. <...>

¹ *Луниця Цецилия Михайловна* (1888–1969) – жена служащего Госбанка М. И. Лунца, младшая сестра А. М. Фридендер. В автобиографиях А. М. Фридендер и семейной переписке она именовалась Цецилией Михайловной (тетей Цилей), в паспорте и других документах – Ириной Борисовной.

Письмо к М. А. Лифшицу

11. <Жешарт. 6 окт. 1942>

Дорогой Миша! Вчера получил Вашу открытку и спешу Вам ответить. Большое спасибо за Вашу неизменную любовь и участие ко мне и за все то, что Вы хотите для меня сделать. Хотя успех очень маловероятен, но все, что Вы сможете сделать для того, чтобы извлечь меня из этой нелепой истории, я принимаю с благодарностью. На днях я отправил Тамаре письмо с ответами на интересующие Вас вопросы.¹ Кроме того, если это может быть полезно в какой-нибудь степени, я просил Лялю достать и переслать Вам отзывы ряда «авторитетов» обо мне как знатоке истории русской культуры и литературы (Азадовского, Гуковского).² Прошу прощения за несколько истерический тон моих первых писем: я был морально слишком потрясен и взволнован, чтобы писать иначе. Теперь я вижу, что по сравнению со многими я нахожусь в крайне счастливом положении. Страдания мои были (и есть) исключительно моральные, особых физических лишений я не терплю, в отношении здоровья все обстоит благополучно. Так что действуйте, но не очень волнуйтесь за меня. Целую Вас. <...> Ваш Юра.

¹ По-видимому, речь идет о документах и фактах, которые могли подтвердить правомочность перемены национальности. *Тамара* – Т. Н. Лурье.

² *М. К. Азадовский* – в 1942–1945 гг. профессор Иркутского университета, не откликнулся на просьбу Г. М. Фридендера; об отзыве *Г. А. Гуковского*, в это время жившего в Саратове, куда эвакуировался ЛГУ, см. в письме от 10 окт. 1943 г. Гуковский был оппонентом на защите кандидатской диссертации Г. М. Фридендера в 1947 г.

Письма к А. М. Фридендер

12. <Жешарт. 9 окт. 1942>

<...> От Миши за это время имел открытку, дышащую заботой и участием, так что не сомневаюсь в его готовности Тебе помочь. Переезд Твой

убедительно прошу не откладывать, – как только здоровье поможет Тебе его осуществить, даже если это будет возможно лишь ценой известных материальных жертв <...>. Главное – взять с собой белье, верхнюю одежду, теплые вещи на зиму, вообще всё из тряпок, что сохранилось. Это сейчас наибольшая ценность, так как на скорое обновление гардероба рассчитывать не придется, а без одежды и белья жить и служить по меньшей мере затруднительно. <...>

13. <Жешарт. 17 окт. 1942>

<...> Прошлое Твое письмо из больницы, несмотря ни на что, так меня обнадежило! – а сейчас снова приходится думать о возможности второй суровой зимы в Ленинграде. Выдержишь ли Ты ее после 5 месяцев болезни и всех моральных переживаний прошлого года? Стоит мне представить Тебя – похудевшую, бледную, со скорбными глазами и слабым голосом – и мне хочется плакать, слезы невольно навертываются на глаза. Но главное, в чем мне хочется Тебя убедить, это в том, что жить *нужно*, моя дорогая! Не забывай об этом, не теряй ни на минуту сознания того, что Ты необходима в этом мире, необходима для меня, будем надеяться, что и для Андрея, что, как бы ни было тяжело физически и морально, а *нужно* пережить, *нужно* вынести, *нужно* сохранить себя во что бы то ни стало. <...>

14. <Жешарт. 27 окт. 1942>

<...> я узнал о гибели многих наших общих знакомых – литературоведов старшего и нашего поколения, с которыми мы когда-то встречались и спорили в университете и в академии. Какой мирной и спокойной представляются теперь все эти литературные «войны», и как давно они были! Мне жаль и соратников, и противников, среди которых было немало честных и достойных людей, – сколько их ушло за этот год! Я живу по-старому, работаю и подерживаю в себе бодрость и спокойствие духа надеждой на нашу победу, свидание, годы хорошей, мирной жизни вместе с Тобой. Я постоянно сознаю, что я много виноват перед моей дорогой старушкой-матерью, но, зная Тебя, я уверен, что Твое сердце давно простило мне всё и что оно полно по отношению ко мне только чувствами бесконечной любви и прощения. <...> Да! идет осень, за нею зима – и еще немало предстоит нам всем перенести в эту вторую холодную и мрачную зиму, но сердце полно уверенности в том, что за нею наступят весна и возрождение, не только в природе, но и в жизни народа и в нашей маленькой жизни. Как бы враг ни был силен, мы победим, и тогда мы с моей маленькой, похудевшей мамой снова заживем по-старому, а может быть, и лучше старого, потому что опыт этих суровых лет предохранит нас от повторения старых ошибок и заблуждений. <...>

15. <Жешарт. 2 нояб. 1942>

<...> Пол<ина> Лазар<евна>¹ была так добра ко мне, что организовала (не без труда) пересылку ко мне моего одеяла и теплых вещей, так что на зиму

я обеспечен всем необходимым. От одеяла на меня так и пахло запахом родного дома, детства, когда я ложусь спать – я засыпаю с тысячью воспоминаний о Тебе и нашей домашней жизни. <...> У нас оформилась организация ВЛКСМ, и я избран ее секретарем.² Случайно это совпало с временным выдвинутым моим начальником на другую работу – на это время я остался один, и на мне лежит работа, которую делали в прошлом мы оба. В результате приходится здорово крутиться. <...>

¹ П. Л. Старец (см. с. 451).

² У трудмобилизованных изымались паспорта и военные билеты, но оставались билеты ВЛКСМ и ВКП(б). Согласно характеристике, выданной Г. М. Фридендеру в Жешарте 26 нояб. 1945 г., он был секретарем комсомольской ячейки в 1942–1943 гг. и членом бюро в 1944–1945 гг.

16. <Жешарт. 7 нояб. 1942>

<...> Вчера, вероятно, все вы слышали по радио голос нашего вождя. К сожалению, здесь нет радио, и я только через несколько дней узнаю, что он говорил в этот исторический день. Но я уверен, что его доклад был полон уверенности в том, что планы наших врагов еще раз разбиты и что торжество социализма не за горами. <...> От Тебя по-прежнему не имею писем со времени Твоего сентябрьского письма, написанного из больницы. Это письмо я всегда ношу с собой в кармане вместе с телеграммой, полученной когда-то еще в Архангельске с известием о Твоем выздоровлении после болезни весной. Как сейчас Твое здоровье, дома ли Ты, как Твои планы на выезд? <...>

17. <Жешарт. 12 нояб. 1942>

<...> С едой дело обстоит более или менее сносно, хотя хуже – увьи! – чем в Бакарице. Хлеба получаю 600 гр. и 3 раза в день горячую пищу в жидком виде, 1–2 (редко 3) раза в неделю на ужин еще и кашу. Прикупать здесь ничего не удастся, овощей мало, главные продукты питания, помимо хлеба, – мука, крупа, рыба. Но если иногда и приходится подтянуть свой ремень потуже, то я не из тех людей, которые придают большое значение подобным временным лишениям; по сравнению с ленинградской прошлой зимой мы существуем и питаемся роскошно – до жгучего стыда! Об этом я не забываю. Что еще написать Тебе? Вся жизнь для меня настолько сосредоточивается в мыслях о вас, а эти мысли, в сущности, настолько просты и неизменны, что для изложения на бумаге содержания моей духовной жизни хватило бы двух-трех строк. Здоровы ли Ты и друзья, где вы, что делаете – вот всё, что волнует и интересует меня в личной жизни, в остальном я живу только газетой и информацией с фронтов – увьи! – здесь крайне скудной из-за скверного снабжения газетами. <...>

18. <Жешарт. 20 нояб. 1942>

<...> Я здоров – вот главное, работаю, одет, в тепле, переносу начавшуюся уже здесь зиму без особых лишений. Друзья мне последнее время не пишут,

это меня очень огорчает, так как всякое письмо здесь переживаешь как огромную и необычную радость. Особенно грустно мне, что я ничего не знаю уже около месяца о Мише, в Москве ли он еще или снова в армии? Если из Москвы ему пришлось снова выехать на фронт, то я боюсь, как бы не разладился окончательно Твой переезд в Москву, в который я сейчас еще продолжаю верить и на котором продолжаю безусловно настаивать. <...> Поправляйся, береги себя, помни о том, что Твоя жизнь и здоровье нужны для Твоего глупого и беспомощного младшего. <...>

<Письмо к Ц. М. Лунц,
приложенное к письму от 20 нояб. 1942:>

<...> Умоляю Вас, напишите мне правдиво и искренне обо всем, хотя бы положение мамы снова было очень тяжелым. Я со своей стороны могу сообщить Вам, что здоров, работаю и живу по-прежнему, так что жаловаться особенно на свою судьбу в настоящих условиях не приходится. Питаюсь скромно, даже весьма, но что поделаешь, приходится с этим мириться. В остальном тоже ограничен необходимым. Но это общая судьба всего народа, и пережить ее нетрудно, лишь бы по-прежнему иметь уверенность в победе и знать, что мама и все родные и близкие где-то далеко *живы* и что – дай бог! – удастся еще свидеться, наговориться вместе, наплакаться о пережитом горе и испытать вместе много хорошего. <...>

19. <Жешарт. 3 дек. 1942>

<...> Моего бывшего начальника – нашего экономиста назначили временно начальником нашей рабочей колонны, а я временно выдвинут на должность экономиста. Составил самостоятельно отчет за прошлый месяц и подробную объяснительную записку к нему и вчера отправил эти первые плоды своих трудов в отделение на показ начальству. Остальное время составляю различные сводки и статистико-информационные таблички. Работы порядочно, но это к лучшему, без этого было бы смертельно скучно. Здорово оборвался и обтрепался, но здоров – а это главное, сижу в тепле и вообще с горем пополам, а если посравнить да посмотреть, – живу еще не так худо. <...>

20. <Жешарт. 7 дек. 1942>

<...> Наконец, после огромного перерыва, получил еще одно письмо от Тебя – еще из больницы, от 8/IX, и одновременно – письмо от Яши¹ от ноября. В последнем он сообщает, что Ты, наконец, здорова, работаешь у него и сравнительно прилично устроена, поскольку это вообще возможно в условиях Ленинграда. Всё это меня бесконечно обрадовало. Очень обрадовало меня и то, что здесь есть хоть капля участия со стороны Яши и что Твои отзывы о нем оказались не вполне справедливы. Ведь слишком много лет продолжалась наша дружба, чтобы мне усомниться в нем... <...> Пользуйся теми условиями, которые создал Тебе Яша, живи в общезжитии, старайся больше быть в тепле, отдыхать, не урезывать себя в питании; поскольку есть возможность –

прикупать к пайку всё, что можно достать. <...> Обо мне не беспокойся, как-нибудь проживу, а там – дай бог! – скоро мы увидимся. <...>

¹ Я. Л. Бабушкин (см. примеч. 4 к п. 2). В Ленинградском радиокомитете, где А. М. Фридлиндер работала машинисткой с ноября 1942 г. по апрель 1943 г., обустройство общежития диктовалось необходимостью круглосуточной работы при постоянных бомбежках и артобстрелах. 23 нояб. 1942 г. она сообщала сыну: «Перебралась в общежитие Дома радио, ибо кончаю работать в 7 ½ ч., когда абсолютная тьма. Кроме того, <дома> нет дров, приходится таскать воду на 4-й этаж – словом, я очень довольна, что решилась на предложение Яши. Общежитие помещается как раз напротив Дома радио, во 2-м этаже. Питаюсь 3 раза в день тут же на работе, где имею рацион (т. е. всё, что положено по продовольственной карточке. – С. Б.) и дополнительно всё то, что выдается населению кооперацией. <...> Работы очень много, работа полезная, люди, окружающие непосредственно меня, очень милы – словом, о лучшем не мечтаю и минуты не сожалею о том, что рассталась с Б<библиотекой> АН, которая превратилась в могилу». В письме от 5 дек. 1942 г. А. М. Фридлиндер писала: «Живу исключительно службой, работы много, всё кипит вокруг, чувствуется, что она крайне необходима, нужна и моя маленькая доля – вот что дает громадное удовлетворение»; здесь же она отмечала, что имеет карточку «I категории» (т. е. рабочую), и поэтому у нее нет нужды что-либо добавлять к ней (в столовой «готовят вкусно и достаточно»).

21. <Жешарт. 16 дек. 1942>

<...> К нам прибыло новое пополнение, и среди них один «десятник»,¹ лицо которого сразу показалось мне виденным. Оказалось, что он, разумеется, ленинградец, – и Твой бывший сослуживец по СОЛАБ'у.² <...> я хорошо помню его по БАН'у и по филармонии. Фамилия его Эдигер.³ Он пережил всю тяжесть ленинградской (прошлой) зимы, потерял сына и эвакуировался из Ленинграда в апреле. На меня он произвел очень хорошее впечатление, и мне очень жаль, что вскоре он снова уехал отсюда на один из близлежащих соляных заводов, где будет работать в качестве инженера. Вообще ленинградцы здесь – самые милые люди, и встречу с каждым из них переживаешь как встречу с родным и близким человеком. <...>

¹ Десятник – старший над группой рабочих.

² СОЛАБ – Соляная лаборатория АН СССР (на Тифлисской ул.), преобразованная в 1935 г. во Всесоюзный институт галургии (ныне ВНИИ галургии). А. М. Фридлиндер работала там в 1933–1934 гг.

³ По-видимому, *Эдигер Вильмар Генрихович* (1908–1976) – впоследствии заведующий заводской лабораторией Михайловского содового комбината на Алтае, который строили немцы, кандидат технических наук, с 1962 г. преподаватель Алтайского политехнического института.

22. <Жешарт. 20 дек. 1942>

<...> Через 9 дней Ты перешагнешь через 56 лет своей жизни, а вскоре с тем закончится, я надеюсь, и самый тяжелый ее год. Начнется новый год – год победы, год, который принесет нам воссоединение и откроет новый период светлой и радостной жизни. Вернусь я, может быть, вернется наконец и Андрей, и мы увидим еще немало хороших дней. <...> У меня всё

по-прежнему. Работаю, здоров, в тепле и сносно накормлен. С завтрашнего дня добился на 10 дней в порядке подкрепления и профилактики усиленного питания. Буду получать понемножку масла, сахара, компота, котлетку – вещи, которые я давным-давно не видел. <...> Сегодня у нас выходной день для всей колонны,¹ я тоже решил впервые воспользоваться своим «правом на отдых»: сейчас пишу, потом прилягу, а позже буду латать и штопать свои дыры. <...>

¹ В «трудовой армии» полагалось три выходных дня в месяце.

23. <Жешарт. 25 дек. 1942>

<...> Хотя уже конец декабря, но здесь всё еще стоит мягкая, теплая погода. Мороз не выше 5–6°, много снега; я сменял (кажется, не писал Тебе об этом?) ватную фуфайку <...> на новую, приобрел новые ватные брюки и нахожусь во всеоружии на случай приближения морозов, но пока их не видно. <...>

24. <Жешарт, Урдома. 2–4 янв. 1943>

<...> Это письмо я начинаю накануне выезда в командировку. Еду «людей посмотреть и себя показать» – по вызову начальства, желающего со мной познакомиться. Еду завтра вечером. Дорога за 70 км на юг, к Котласу. <...>

4/1 1943 г. Урдома. <...> Вчера в 6 ч. меня свели с одним попутчиком, который подвез меня на своей лошади до станции, а отсюда поезд доставил нас напрямик до места. Приехал в 5 ч. утра, до 7 ч. выспался на столе в конторском помещении, в 9 ч. явился «по начальству»; затем бегал по всяким делам. Здесь гораздо красивее, чем в Жешарте, – кругом прекрасный еловый лес, местность испещрена холмами, но сам штаб произвел на меня впечатление скуки и, я бы сказал, затхлости: работать здесь мне бы не хотелось. Вечером еду назад, по всей вероятности, с тем же попутчиком. Разумеется, он оказался ленинградцем; но семья его эвакуировалась еще в феврале, остался в Ленинграде только один сын. Работает он в научно-изыскательной экспедиции Гидролестранса. <...>

25. <Жешарт. 13 янв. 1943>

<...> Радует меня то, что Ты довольна работой и что условия жизни в общепитии Тебя не стесняют. Насколько могу судить, если Ты меня не обманываешь, с питанием дело у Тебя также обстоит не так плохо. За всё это я очень благодарен Яше; вижу, что он, как и все мои друзья, сохранил ко мне прежнюю дружбу и любовь. Я по-прежнему здоров и живу неплохо, только скучаю о всех вас, мои дорогие. <...> На днях исполняется год со дня смерти папы – тяжелое и страшное это было время для Тебя и всех ленинградцев! <...>

26. <Жешарт. 19 янв. 1943>

<...> Сегодня радио принесло радостную весть о продвижении наших войск на Ленинградском фронте, о занятии Шлиссельбурга, Дубровки и сое-

динении их с войсками волховской группы. <...> Да принесет эта зима нам, как и всему нашему великому народу, возрождение новой счастливой жизни. Пусть сохранится Твое здоровье, пусть оно укрепится еще и еще для того, чтобы мы могли снова встретиться и зажить так хорошо, как никогда. Может быть, вернется к нам и Андрей, вернется Шура,¹ и много близких дорогих лиц снова замелькает вокруг нас. Будем жить в нашей квартире, по утрам вместе пить кофе, потом расходиться – Ты на службу, я в библиотеку или за письменный стол, потом вечер, обед вдвоем или втроем, к чаю соберутся друзья, Ты сядешь за чулок или будешь возиться с бумагами, я с книгой... Неужели мысль об этом, моя дорогая, не заставляет биться Твоего сердца, не зовет Тебя жить и жить!.. Итак, не грусти! Недаром сказал нам Сталин, что и на нашей улице будет еще праздник.² <...>

¹ *Выгодский Александр Гаврилович* (Шура) (1915–1941) и Г. М. Фридендер были авторами комментария к сборнику К. Маркса и Ф. Энгельса «Об искусстве», вышедшему под редакцией М. А. Лифшица (с его же вступительной статьей) двумя изданиями в 1937 и 1938 гг.; многократно издавался за границей; впоследствии был переработан в двухтомник и издан в 1957–1958 гг. Выгодского и Фридендера привлек к работе над комментариями Лифшица, который был недоволен тем изданием сборника, который ему удалось выпустить в 1933 г. при участии А. В. Луначарского и Ф. П. Шиллера. К началу войны Шура Выгодский был сотрудником Ленинградского радиокомитета; ушел на фронт добровольцем в июле 1941 г., был политруком роты, в октябре пропал без вести.

² Пословица «Будет и на нашей улице праздник» (приведена в книге В. И. Даля «Русские народные пословицы», 1862) была использована И. В. Сталиным в обращении к советскому народу 7 нояб. 1942 г.

27. <Жешарт. 26 янв. 1943>

<...> я сейчас питаюсь по-царски, так как удалось снова на время получить больничный паек, что означает 25 гр. сливочного масла и кусок сахара на завтрак, весьма вкусный обед из двух блюд, вечером на десерт компот из сухих фруктов и т. д. Тем более мне грустно, если Ты снова терпишь нужду в этом отношении. <...>

28. <Жешарт. 13 февр. 1943>

<...> Работаю по-прежнему, здоров, в смысле питания особых лишений не испытываю. Моего старого помощника демобилизовали, и он уехал отсюда в Павлодар, на его место я по согласованию с начальником взял к себе на работу ленинградского инженера,¹ о котором я Тебе когда-то писал как о своем собеседнике и приятеле в свободные часы. Он очень милый человек, прекрасно образован, кончил 2 факультета и много лет занимался научной работой. Жена его находится в Ленинграде, по фотографии она производит крайне приятное впечатление. Может быть, когда-нибудь, если, дай бог, вернемся в Ленинград, и Ты с ним познакомишься. <...> Сохранились ли запас бумаги, приготовленный когда-то мной для перепечатки диссертации? Если да, было бы хорошо, если бы Ты время от времени вкладывала в письма по

одному-двум листкам, пока нет возможности прислать сразу бандеролью больше. <...>

¹ Речь идет о М. Ю. Тиссене и его жене Кире Николаевне. А. М. Фридлиндер познакомилась вскоре со «старушкой» Анной Ивановной Тиссен (род. 1879), урожд. Зелинской, которая в 1944 г. ездила к сыну в Жешарт. В 1946 г. она консультировалась у Г. М. Фридлиндера, куда обращаться в связи с переменной национальности сына. В его личном деле сохранилась справка от 8 авг. 1949 г., в которой говорилось: после проверки установлено, что М. Ю. Тиссен является по национальности русским (в свидетельстве о рождении его мать и отец – русские) и «на учет спецпоселенцев был взят ошибочно» (*Емельянов Б. М., Гаврильченко В. С.* Лаборатория «Б». С. 85). Кстати, другой сын А. И. Тиссен, Юлиан Юлианович, попал в армию и погиб на фронте.

29. <Жешарт. 20 февр. 1943>

<...> За это время я получил два письма и открытку от Ляли. <...> Письма ее очаровательны, получение каждого из них доставляет мне огромное удовольствие. Хотя я здесь ничего не читаю за полным отсутствием книг и сильно отстал от науки, но в ответ начал строчить ей длинное письмо о предметах, связанных с диссертацией. Я по-прежнему вполне здоров и живу весьма прилично. Работаю честно и думаю, что честно зарабатываю свой кусок хлеба, но и себя стараюсь в обиду не давать, так как слишком много надежд связываю со своим будущим, чтобы не дорожить им. Несмотря на год, отделяющий меня от литературы и науки, я по-прежнему полон старых интересов, чувствую в себе присутствие тех же сил и способностей и могу сказать с полной уверенностью в истине того, что пока жизнь ни в чем не изменила и не поколебала меня. В любой момент я готов возобновить свои занятия, писанину, размышления об истории культуры и поэзии на том же месте, где я их оставил год назад. Этой способностью – умственно и нравственно не меняться – я дорожу в себе и надеюсь, что Ты тоже будешь рада обнять меня при нашем свидании постаревшим на год или два, но в то же время тем же, каким Ты меня знала и любила в прежние годы. <...>

30. <Жешарт. 19 марта 1943>

<...> На днях сюда привезли (через год после его выхода на экран) фильм «Ленинград в борьбе».¹ Смотря его, я переживал живо до жути вашу жизнь прошлой зимой, смерть папы и Марьи Георгиевны,² ваши лишения и весь ужас Твоей тогдашней жизни. Так как с тех пор, как я последний раз уехал из дому, я живу, главным образом, воспоминаниями, мне до сих пор трудно представить реальность всего этого, т. е. что папа уже год как умер и что Тебе вдали от меня пришлось так намучаться. <...>

¹ Документальный фильм «Ленинград в борьбе» (1942) Е. Ю. Учителя, удостоенный в 1943 г. Сталинской премии I степени.

² *Мария Георгиевна* – домработница Фридлиндеров, умерла от истощения в июне 1942 г. Перед смертью у нее ослабела память, и она несколько раз оставалась без карточек (у нее их выкрадывали, или же она их теряла). В жизни А. М. Фридлиндер было два обстоятельства, которые побудили ее отказаться от эвакуации в 1941 г.: болезнь мужа и ответственность за Марию Георгиевну.

31. <Жешарт. 25 апр. 1943>

<...> После долгого перерыва получил наконец сначала Твою телеграмму, а затем письмо от тети Цици. Из этого письма я с грустью узнал, что опасения мои оказались – увы! – ненапрасными и что Ты снова стала нездоровой. <...> я также с удивлением узнал, что Ты уже не живешь в общежитии, а переехала домой и что Твое питание также ухудшилось – Ты уже имеешь снова карточку служащей.¹ <...> я по-прежнему здоров, работаю на той же должности, отношение ко мне со стороны окружающих хорошее, есть среди них и милые люди. Друзья мои едят, по крайней мере время от времени. Особых недостатков я ни в чем не испытываю. Уже давно я получил разрешение на перевод Тебе 500 рублей, но бухгалтерия до сих пор их не перевела, так как не имела денег. Надеюсь, что вскоре это осуществится. <...>

<Письмо к Ц. М. Лунц:>

<...> Я живу кое-как – и жду с нетерпением лучшего, которое, надеюсь, уже не за горами. <...> Питаюсь я сносно и не голоден. Здоровье мое также – тьфу, тьфу! – неплохо; за всю зиму один раз меня посетила ангина. Сейчас здесь уже весна, светит солнце, на днях вскроется Вычегда. Вместе с приходом весны стало легче на душе и вообще стало как-то легче жить. <...>

¹ А. М. Фридендер жила в общежитии в огромной комнате и постепенно начала тяготиться своими соседями: «Ведь люди, окружающие меня в общежитии, – это ужас <...>. Не с кем молвить слова, стараюсь их не замечать...» (28 янв. 1943 г.). Ее уход из Дома радио совпал с увольнением Я. Л. Бабушкина, сопровождавшимся служебными неприятностями. В итоге, А. М. Фридендер стала получать карточку служащей и сочла для себя невыгодной работу в Доме радио: «...самый факт выдачи мне карточки <...> служащей – меня очень обидел, и я не понимаю, каким образом Яша не смог меня отстоять» (27 апр. 1943 г.). Весной 1943 г. обострилась и сердечная болезнь А. М. Фридендер.

32. <Урдома. 4 мая 1943>

<...> Эту зиму (как и прошлую) я пережил, не болея, и чувствую себя очень неплохо. Недавно, тревожась, что я год как не был у зубного врача, зашел показать свои зубы – и при этом был встречен комплиментами за постоянный уход и хорошее состояние зубов. Вообще я оказался более выносливым, чем это можно было бы полагать по опыту прошлых лет, с этой стороны Ты можешь быть мной довольна.

Работа у меня прежняя; техникой планового дела и экономических расчетов (*азами* этого дела, конечно!) я овладел, и меня даже больше хвалят, чем ругают, а это уже неплохо. Работаю я быстро, так что обычно имею в день два-три часа вполне свободного времени. К тому же в лице моего Марка Юлиановича я имею хорошего и по-человечески симпатичного помощника. К сожалению, его хотят переместить на другую работу, более интересную для него, в чем я, разумеется, не хочу ему мешать, хотя подобрать другого равноценного помощника мне будет трудно. <...> Получила ли Ты первые

500 рублей, которые Тебе должна была перечислить наша бухгалтерия? <...> По получении этих 500 р. – напиши мне. Я вышло сразу же еще 500. Напиши вообще, какой у Тебя заработок и имеет ли смысл посылать деньги. Я получаю 600 р. в месяц, а трачу не более 250–300 (включая вычеты), так как не имею возможности и случая тратить.¹ Могу каждые два месяца подсылать Тебе 400–500 рублей. <...>

¹ См. об этом во вступ. статье, с. 451. А. М. Фридлендер была против этих переводов, поскольку поддерживала себя продажей вещей. В радиокомитете ее зарплата была 250 руб.

33. <Жешарт. 16 мая 1943>

<...> Пишу это письмо во время дежурства на кухне, поэтому пишу карандашом. <...> У меня всё обстоит по-хорошему. Здоров, работаю. Весна идет полным ходом. Сейчас здесь половодье, всё залито водой, живем почти как в Венеции. Мой друг и помощник – увы! – оставил меня, соблазнившись другой, более увлекательной работой, и сейчас я взял нового помощника, которого обучаю. <...>

34. <Жешарт. 22 мая 1943 >

<...> Ты снова в больнице. Напиши мне, пожалуйста, более обстоятельно, в каком состоянии Твое сердце, каков диагноз. <...> К сожалению, я с отчаянием сознаю, что лишен возможности чем-либо реально Тебе помочь. Пока подал заявление об отправке Тебе еще 800 рублей, – это единственное, что я могу сделать. Разве я не писал Тебе, что эти деньги мне *абсолютно* не нужны? Они всё равно лежат без движения на моем текущем счету, так как все мои личные расходы сводятся к почтовым и еще – уплате членских взносов в комсомол; за питание и обмундирование высчитывают из моей зарплаты, а прикупать мне не приходится. <...> скверно, что эти деньги вряд ли помогут Тебе. К тому же боюсь, что Ты их получишь не скоро, так как с оформлением переводов здесь довольно большая волокита... <...>

35. <Жешарт. 30 мая – 5 июня 1943>

<...> За это время я получил разрешение на перевод Тебе еще 800 р. (кроме первых 500) и постараюсь нажать, чтобы эти деньги были посланы Тебе как можно скорее. <...> У меня всё обстоит по-прежнему. В связи с наступлением летнего сезона у нас сильно увеличился объем работ, так что работать сейчас приходится больше. Но это хорошо, – чем больше работаешь, тем меньше грустишь. Здоровье мое в порядке. Питаюсь нормально. Друзья пишут. <...> Вчера я совершенно неожиданно получил большую радость. Судьба послала мне в руки каким-то образом разорванный, но целый том «Эстетики» Гегеля.¹ Это до такой степени странно, что невольно действительно начинаешь думать о судьбе, – здесь совершенно нет книг, и нужно же, чтобы совершенно случайный человек и к тому же человек, ничего не смыслящий в философии и эсте-

тике, к которому эта книга попала бог весть как, завез сюда 1-й том «Эстетики», и не только завез, но наткнулся на меня и отдал мне это сокровище!

<...> напиши мне более обстоятельно, в чем дело с Яшей и чем объясняются его служебные неудачи.² После того хорошего, что все писали мне из самых различных источников о его работе на радио во время блокады, то, что Ты мне писала, для меня совершенно неожиданно и необъяснимо. <...> Привет Тебе от моего единственного здешнего друга Марка Юлиановича, или «Ульяновича», как мы его здесь называем. Он сидит против меня и двумя пальцами без ленты (!) печатает на допотопном «Ремингтоне»³ свое творение – статью о каких-то мало вразумительных для Твоего глупого (но симпатичного!) птенца технических материях. Он очень мил, хотя сейчас очень занят, серьезен и сердит. <...>

¹ Имеется в виду 12-й том (1938) «Сочинений» Гегеля. Помимо этого издания гегелевские «Лекции по эстетике» печатались также на страницах «Литературного критика»: Гегель являлся одной из центральных тем для всего «течения» 1930-х гг., к которому примыкал и Г. М. Фридендер.

² Я. Л. Бабушкин был уволен из Ленинградского радиокомитета 16 апр. 1943 г. Его работа как главного редактора литературно-художественного вещания была отмечена рядом чрезвычайно важных для блокадного города начинаний (см.: *Берггольц О. Ф.* Дневные звезды. Говорит Ленинград. М., 1990. С. 184–186, 206 и сл.). Воспоминания о нем сотрудников Дома радио единодушно представляют Яшу Бабушкина как личность удивительно светлую и самоотверженную. Причины его увольнения неясны; в литературе о блокаде, с отсылкой к ряду свидетельств, утвердилось мнение, что он был уволен как еврей. См.: *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2005. С. 194–208; *Биневиц Е. М.* Свидетельства о Якове Бабушкине // *Звезда*. 2015. № 12. С. 218–229. Много для освещения событий сделал Е. М. Биневиц, неоднократно публиковавший статьи о Бабушкине (см.: *Берг Р. Л., Биневиц Е. М., Тамарченко А. В.* Переписка из трех углов: Эпистолярный роман. СПб., 2009. С. 54, 91–93 (полемические заметки об отражении образа Яши Бабушкина в «Блокадной книге» А. М. Адамовича и Д. А. Гранина), 97 и сл.); его статья в журн. «Звезда» имела обобщающий характер. Е. М. Биневиц напечатал в ней частично письмо Бабушкина к Фридендеру от 15 дек. 1943 г.; при этом вне поля зрения осталось восприятие письма адресатом, который увидел в нем более оптимистичное, нежели публикаторы (в том числе А. И. Рубашкин), объяснение событий (см. ниже его письмо к матери от 19 янв. 1944 г.). Бабушкин писал: «В моей судьбе нет ничего исключительного. Несмотря на наличие определенных принципиального характера причин, создавших и углубивших разногласия с руководством вплоть до снятия, я не переоцениваю их значение. Может быть, всё бы могло сложиться иначе, не прояви я чрезмерной наивности и безразличия к своей личной судьбе. Верю, что у меня будет еще возможность это исправить, вернее, учесть. Что касается той людской мелкоты, которая в глупости, неразборчивости и зависти спутала меня по рукам и ногам и сбила с последней и настоящей работы, то в ее лице я вижу всё ту же столь ненавистную мне и, к сожалению не единственную, деловую никчемность, необразованную беспринципность, неумение распознавать людей по их делам и неумение служить советской власти и народу там, куда они их поставили для руководства. <...> Я горд сознанием того, что в обширной истории страшных лет нашего города не смогу быть обойден и плоды малой, но моей личной работы, результаты усилий моего сердца, мозга, капли моего пота и здоровья. Оглядываясь на свою жизнь, я вижу не мало дурного и в качествах, и в делах. Но я не загубил и не оставил про себя ни одной реализуемой практически частицы хорошего, которое наживал в своем внутреннем росте. А может быть, только я один и способен оценить, сколь индивидуально труден был путь этого роста. Дорогой Юрка! Еще очень трудно может быть, но пока нам не перебили

ноги, будем думать о дороге вперед. Нам есть на что оглянуться. В стремлении к правде и в деловой принципиальности был у нас не только юношеский порыв и ребячливое презрение к жизненным благам. Там было и подлинное бесстрашие, которое может пригодиться сейчас». В том же письме он утверждал: «...я могу только от всего сердца сказать тебе, что ты, именно ты бесконечно дорог мне и по своей роли в моей личной судьбе, и потому, почему ты дорог должен быть всем нам, служившим будущему советской культуры». Г. М. Фридендер и его мать неоднократно возвращались в своей переписке к увольнению Яши. Писала об этом Фридендеру и Ильинская, которая в 1945 г., приехав в Москву, имела возможность беседовать с людьми, знавшими обстоятельства дела. Она и нашла слово, объясняющее его: это была травля; Ильинская считала, что пришла пора назвать людей, травивших ее мужа. Сам Яша, по-видимому, предполагал и наличие какого-то доноса на него, догадываясь, что причину его увольнения нужно искать в Москве. Письма из архива Фридендера, касающиеся увольнения Я. Л. Бабушкина, ждут своего опубликования и анализа.

³ Имеется в виду устаревшая модель американской печатной машинки «Remington». Печатать без чернильной ленты на машинке можно, рассчитывая на второй и третий экземпляры, на которых отпечаток появлялся благодаря копировальной бумаге.

36. <Жешарт. 5 июля 1943>

<...> Миша прислал мне пару книжек, которые скрашивают мои свободные часы. Погода стоит теплая, солнечная, к сожалению, недостаточно приходится бывать на воздухе, так как работаю довольно много. <...> С помощью Миши я начал хлопоты о переводе отсюда куда-нибудь в другое место, на литературную работу. При этом могут понадобиться некоторые справки и документы – мои, ваши и т. д.¹ Надеюсь, что все наши семейные, а равно и мои личные бумаги, оставшиеся у меня в столе, у Тебя в сохранности, и в случае, если к Тебе обратятся ваши военные органы с запросом, Ты сумеешь отыскать нужные бумажки. Пока это всё вопросы отдаленного будущего. Конечно, хотелось бы попасть куда-либо в условия и на работу, более соответствующие моим способностям и наклонностям, но дело это нелегкое. Приходится утешаться, что здесь хоть и неинтересно, но живется мне пока – тьфу, тьфу! – сносно. <...>

¹ Имеется в виду поданное Г. М. Фридендером заявление об изменении «неправильной национальности» и демобилизации его из «трудовой армии» (см. с. 453–454). Свое несогласие с этим А. М. Фридендер, убаюканная оптимистичными сообщениями сына о жизни в Жешарте, выразила в письме от 4 авг. 1943 г.: «Что касается твоего намерения приблизиться ко мне, то абсолютно его не одобряю. От добра – добра не ищут. Ты, слава Богу, здоров, удовлетворен работой, питанием. Заслужил хорошее отношение со стороны начальства, находишься в окружении хороших товарищей. Поэтому не вижу никакого смысла в твоём намерении и ему не сочувствую. Надо ждать окончания войны, когда наша родина очистится от врага, как бы тяжела эта разлука ни была».

37. <Жешарт. 19–20 июля 1943>

<...> С глубокой грустью прочел письмо Зои Борисовны,¹ из которого узнал, что Ты снова была вынуждена вернуться в больницу, из которой только что вышла. <...> Ума не приложу, чем я могу Тебе помочь. Получила ли Ты 1300 р., которые я Тебе выслал? *Пока дал телеграмму* Мише, прося его удвоить хлопоты о моем переводе отсюда. Может быть, все же удастся в конце концов попасть

куда-нибудь поближе к Тебе. Обо мне будь совершенно спокойна: я работаю по-прежнему, одет, обут и накормлен. Здоровье мое вполне на высоте. <...>

¹ Подругами А. М. Фридлендер с гимназических лет (они называли ее Желей, Желюшей, Беатикой) были сестры баронессы Кусовы – Зоя Борисовна Подкопаева (1895 – начало 1950-х), жена Н. А. Подкопаева, в годы блокады медсестра в больнице им. В. И. Ленина (ныне Покровская больница), и Фаина Борисовна Кусова (1888 – не ранее 1960), с 1942 г. сотрудница БАН. Ф. Б. Кусова – сестра милосердия в годы Первой мировой войны, полный георгиевский кавалер; об этом сообщалось в одной из ее автобиографий: «За самоотверженную работу и храбрость, проявленные при подаче помощи раненым, была награждена последовательно всеми четырьмя степенями георгиевской медали» (СПбФ АРАН, ф. 158, оп. 7, № 1065, л. 10). Подкопаевы и Кусова жили рядом с БАН, в здании Института физиологии им. И. П. Павлова, где работал до войны Н. А. Подкопаев.

38. <Жешарт. 29 июля 1943>

<...> 4-го августа будет год со времени моего приезда сюда. Главное, что хорошо – что за этот год я ни разу не болел и сейчас на здоровье пожаловаться не могу. К работе я привык и справляюсь с ней легко. Отношение ко мне исключительно хорошее. Работы у меня сейчас не так уж много, днем, с двух до четырех, в иногда и до пяти, удаляюсь ежедневно на облюбованное мной местечко и валяюсь на сене. Зато вечером работаю до 10, а иногда и позже, так что это не в ущерб делу. Единственное горе – нечего читать, да и бумага на грани полного исчерпания. <...>

39. <Жешарт. 4 авг. 1943>

<...> Как я Тебе писал, мы с Лифшицем начали кое-какие шаги с целью моего перевода отсюда на более живую работу, но пока еще неизвестно, что дадут наши усилия, приходится больше рассчитывать на рутину и инерцию... Если бы наши стремления осуществились, я оказался бы, может быть, гораздо ближе ко всем вам! Спасибо за теплые слова о наших друзьях и наших встречах – этим прошлым я дорожу как лучшим своим воспоминанием. Лифшиц, Володя, Изя, Шура, Воля, Ляля, Рита, Сус¹ – эти тени для меня всегда живы, и всегда я чувствую их возле себя. Как я обязан им навсегда – сколько я узнал от них, благодаря нашему общению, и хорошего и светлого! Без них, как без искусства, жизнь моя была бы совсем другой – узкой и темной. <...>

¹ Помимо М. А. Лифшица, В. Р. Гриба (Володя), А. Г. Выгодского (Шура), О. И. Ильинской (Ляля) и Р. Н. Лурье (Рита) среди друзей Г. М. Фридлендера названы Израиль Ефимович Верцман (Изя) (1906–1992), Всеволод Андреевич Римский-Корсаков (Воля) (1914–1942; см. о нем на с. 452) и Сусанна Абрамовна Альтерман (Сус), впоследствии Розанова (1915–2002).

40. <Жешарт. 12 авг. 1943>

<...> Работаю, живу, жаловаться было бы грешно, похвалиться тоже особенно нечем! Главное, что я здоров, сносно питаюсь – и ничто не угрожает моему здоровью. Если бы только можно было меньше тосковать о Тебе, о друзьях – или хотя бы работа была интереснее и больше отвечала моим

душевным склонностям! Грустно в такое великое и напряженное время заниматься бумажной чепухой – а при моем отвращении к канцелярской работе это вдвойне тяжело. <...>

41. <Жешарт. 25 авг. 1943>

<...> Так как здесь весьма трудно найти фотографа для того, чтобы запечатлеть свои черты, посылаю Тебе, в надежде Тебя обрадовать, «портрет», снятый с меня одним очень милым молодым человеком. Он не гений, но и не совсем профан: сходство все же есть, только на портрете я значительно розовее и моложе, чем в жизни. Заказывал я этот портрет со специальной целью порадовать им Тебя. <...>

42. <Жешарт. 12 сент. 1943>

<...> С нетерпением жду известий от Зои Борисовны о результатах ее поисков тех бумаг, которые я просил.¹ Хотя я сознаю, что стыдно ее беспокоить при крайней нервности и утомительности ее работы, но надеюсь, что ей все же удастся выкроить необходимое время и помочь мне. <...>

¹ Поиски З. Б. Подкопаевой документов в домашнем архиве Фридлиндеров были связаны с заявлением Георгия Михайловича об изменении паспортных данных. Она сообщала о своих поисках в приписке на письмо А. М. Фридлиндер из больницы от 8 сент. 1943 г., конечно же, несколько утрируя серьезность ситуации: «Для меня просто удивительно, что вопрос о Вашей национальности может вызывать какие-либо сомнения, – достаточно взглянуть на фотографии Вашей тети, бабушки, Вашего отца, чтобы, не задумываясь, сказать, что они евреи. Да и всем известно, что фамилии Фридлиндер и Гессе чисто еврейские». Было бы странно, если бы любимая подруга Анжель Морисовны нашла запрашиваемые ее сыном документы, – при том страхе, который испытывала мать, думая о перемене им «трудовой армии» на действующую. Документы сохранились в архиве и имели отношение к деду и бабке Г. М. Фридлиндера со стороны отца: свидетельство об окончании Варшавского специального уездного училища 1867 г. Вильгельма Фридлиндера с указанием на «моисеево вероисповедание», вид на жительство Эмили Бергсон с той же отметкой 1870 г. (выдан в Варшаве), а также их брачное свидетельство – кетуба 1870 г. (подлинник и копия (перевод) 1950 г.).

43. <Жешарт. 19 сент. 1943>

<...> Лифшиц пишет из Куйбышева, из командировки. Сообщает, что к Тебе в больницу должен зайти один его знакомый, посетивший Ленинград, с тем, чтобы узнать о состоянии Твоего здоровья и еще раз возобновить с Тобой переговоры о выезде к ним в Москву. <...> Лифшиц твердо обещает Тебе уход, обещает обеспечить Тебя всем необходимым, это не слова, он человек вполне серьезный, и я не сомневаюсь, что Ты можешь твердо рассчитывать на его помощь и внимание. Относится он ко мне исключительно хорошо, отношение свое доказал и в прошлые годы и сейчас. <...> Мне кажется, что сердце Твое настолько нуждается в покое, что нельзя рисковать, подвергая его ежедневно переутомлению. Если это так, то, несомненно, нужно принять предложение Миши даже ценой возможной потери квартиры, может быть, вещей. <...>

44. <Жешарт. 22 сент. 1943>

<...> Как я уже писал Тебе, я начал хлопоты через Мишу о переезде в Москву на литературную работу. Дело это продвигается вперед, и у меня есть надежда, что оно может увенчаться успехом. Не буду пояснять Тебе, как мне надоело здесь, вдали от любимого дела, от друзей и т. д., не говоря уже о том, как много значил бы этот переезд для моей будущности и насколько облегчил бы он возможность будущего устройства нашей жизни. Для успеха моих хлопот необходимо, однако, в первую очередь, одно: мне нужно установить папину и Твою действительную национальность и навсегда отказаться от тех фантастических украшений, которыми ваши родители украсили свое прошлое. Вот почему меня чрезвычайно огорчил рассказ Зои о том, что в связи с Мишиными хлопотами к Тебе приходили для опроса по этой части,¹ и Ты, несмотря на мои просьбы, не сказала главного, что папа и Ты – евреи. С получением этого письма я прошу Тебя немедленно исправить ту ошибку и написать письменное заявление, где, ссылаясь на опрос, сделанный Тебе (укажи число – 27/VIII), толково и обстоятельно разъяснить действительную Твою и папину национальность, а также причины, почему ваши родители с переменой религии и языка от нее отказались. Письмо это через Зою передай в райсовет, ЗАГС или милицию – туда, откуда к Тебе приходили для выяснения этих обстоятельств. Можешь в письме сослаться на меня, указав, что Ты восстанавливаешь истинное положение вещей по моему желанию. <...>

¹ Показания матери Фридендера снимала инспектор МВД Виноградова.

45. <Жешарт. 30 сент. 1943>

<...> Надеюсь, что к этому времени Ты уже выполнила ту настоятельную просьбу, о которой я писал Тебе в прошлом письме, – исправить Твою ошибку при посещении Тебя представителем райсовета или ЗАГС'а (не знаю точно) и в официальном заявлении восстановить Твое и папино действительное *еврейство*. <...> Миша обещает мне, что, может быть, перетянет меня к себе. Мои ленинградские профессора оказались лучше, чем я думал, и прислали ему обо мне весьма хвалебные научные отзывы.¹ Теперь успех дела всецело зависит от Тебя. <...> Будучи в штабе с планом, я узнавал о неполученном Тобой втором моем переводе (на 800 р.): увы! он еще... не отправлен. <...> Я постарался ускорить отправку и надеюсь, что вскоре эти деньги все же до Тебя дойдут. <...>

¹ См. об этом в п. 46 от 10 окт. 1943 г.

46. <Жешарт. 10 окт. 1943>

<...> Сегодня меня предупредили, что возможен в ближайшее время мой перевод отсюда на ту же должность в другое подразделение, находящееся недалеко отсюда. <...> участок работы там более важный и ответственный,

почему там желателен и более сильный работник (каковым считают меня). <...> Одним из преимуществ нового места будет наличие вблизи сравнительно хорошей библиотеки, из которой я смогу получать книги. Если иметь к этому и достаточное количество бумаги, может быть, удастся часть времени заниматься по специальности.

До сих пор не имею подтверждения об исполнении Тобой моей просьбы о направлении Мише письма-заявления с разъяснением Твоего и папиного национального происхождения. Однако я не сомневаюсь, что просьба эта Тобою уже выполнена. Не буду повторять Тебе, насколько важно это для меня и как многое может для меня от этого зависеть. Если бы тетя Циля со своей стороны написала и направила аналогичное заявление, это было бы еще лучше. <...> Не помню, писал ли я Тебе, что мои профессора Гуковский и Эйхенбаум¹ приложили к ходатайству Лифшица отзывы-характеристики обо мне с целью добиться от УК² и Наркомпроса направления меня на литературную работу. Как видишь, меня не забывают, а значит чего-то мы все же стоим. <...>

¹ *Гуковский Григорий Александрович* (1902–1950) – заведующий кафедрой русской литературы ЛГУ в 1939–1944 гг.; *Эйхенбаум Борис Михайлович* (1886–1959) – профессор университета в 1918–1949 гг.; в разное время они были сотрудниками ИРЛИ.

² Смысл аббревиатуры не ясен. Управление культуры?

47. <Жешарт. 14 окт. 1943. Телеграмма>

изменение моего письма прошу направить просимое заявление главную военную прокуратуру красной армии копию лифшицу юра

48. <Жешарт. 18 окт. 1943>

<...> Пишу Тебе «со старого пепелища», с которого пока решил не уезжать <...> здесь я привык, а главное – здесь сдружился с людьми, и жалко их покидать. Все, как и я, рады моему оставлению, так что я получил, в результате, удовольствие видеть немало хорошего к себе отношения, что, как ни говори, приятно! <...> Сегодня ясный солнечный день, сейчас собираюсь в деревню гулять, с одним товарищем – инженером-механиком. Кстати, зайдем с ним на почту, где бросим письма. <...>

49. <Жешарт. 5 нояб. 1943>

<...> Сегодня получил Твое письмо с приложением заявления и телеграмму. <...> То, что Ты сделала, чрезвычайно важно для меня, и может иметь для меня хорошие последствия. Не желая Тебя излишне беспокоить, я бы просил Тебя, однако, еще об одном. В своем заявлении Ты указываешь фамилию инспектора милиции, посетившей Тебя, и даже ее адрес (пр. 25 Октября,¹ д. 60, Виноградова). Если Ты знаешь все это, я не понимаю – как Ты могла обойти эту самую Виноградову, не посетить ее лично и не просить ее принять от Тебя

дополнительно соответствующие показания? <...> рад, что Ты снова устроилась в БАН и что Тебя окружают старые наши сослуживцы. <...>

¹ Название Невского проспекта в 1918–1944 гг.

50. <Жешарт. 10 нояб. 1943>

<...> меня известили о чрезвычайно грустной для меня новости – а именно, что «в связи с тем, что расследование на месте и показания моей матери не подтвердили моего заявления», мне отказано в моей просьбе о переводе отсюда. Ввиду этого я прошу Тебя с получением настоящего письма немедленно сделать все возможное для исправления Твоей – увы! – роковой для меня ошибки:

1. Посети инспектора Виноградову, о которой Ты упоминаешь, и заставь ее выслушать и передать в соответствующие органы власти Твое дополнительное заявление.

2. Аналогичное присланному мне заявление, с одним дополнением – указанием на то, что Твой сын *мобилизован в Трудовую армию* как якобы немец по национальности и находится по адресу, который Ты указываешь, – и далее: что заявление вызвано просьбой Твоего сына о демобилизации из Трудовой армии или о переводе в действующую Красную армию – направь немедленно на имя зам. народного комиссара внутр<енних> дел Круглова или на имя Берия,¹ а также в ленингр<адскую> обл<астаную> прокуратуру или ленингр<адский> НКВД. Кроме того, в этом заявлении сошлись на всех лиц, могущих подтвердить Твои показания на основании личного знакомства с родными Твоими и папы, а именно – тетю Цию, Раису Сол<омоновну> Выгодскую, Анну Семеновну Герзони, Зою Борис<овну> (?),² а также всех, кого Ты знаешь еще. <...>

¹ Имеются в виду глава НКВД Л. П. Берия и его заместитель С. Н. Круглов.

² Помимо Ц. М. Лунц (тетя Ция) и З. Б. Подкопаевой Г. М. Фридендер упоминает тех, кто знал семейство как Гессе (Анжель Морисовны), так и Фридендеров, – Раису Соломоновну Выгодскую, урожд. Потруховскую, мать Шуры Выгодского, жену известного офтальмолога Г. Е. Выгодского (1863–1939), и Анну Семеновну Герзони (возможно, принадлежала к семейству известного до революции доктора И. Л. Герзони).

51. <Жешарт. 16 нояб. 1943>

<...> Уже почти полгода как наша рабочая колонна «раздвоилась» – наряду со своими работами, мы работаем для одного из лесозаготовительных трестов системы НКПС. До сих пор я работал в аппарате самой колонны, а теперь по приглашению треста перешел работать плановиком в их отделенческую контору. Работаю здесь уже 5-й день и очень доволен новой работой и сослуживцами. Правда, работа еще мало мне знакома, и я практически в достаточной степени для нее не подготовлен, но надеюсь постепенно освоиться и справиться с ней. К тому же, само обучение новому делу уже само по себе пред-

ставляет значительный интерес, особенно здесь, где умственных интересов вообще мало. Кроме того, здесь постоянно получаются центральные газеты, кое-какие журналы, можно достать книжки, хотя их мало. <...> Что касается остального, то живу и питаюсь я по-прежнему – на казарменном положении, об этом не пишу. <...>

52. <Жешарт. 22 нояб. 1943>

<...> Работу в отделе комплектования я хорошо представляю себе, так как часто бывал там в годы своей службы в БАН, да и вообще весь процесс продвижения книги в БАН мне хорошо знаком. Думаю, что с работой Ты скоро вполне справишься, правда работа с каталогом (при сверке) имеет некоторые трудности из-за многообразия напластований в каталоге, который надо хорошо знать, чтобы быстро в нем ориентироваться.¹ <...> Я работаю на новой работе, о которой писал Тебе, и очень доволен. Пока дело подвигается успешно, не знаю, что будет дальше. Очень пригодились бы мне здесь книжки по экономике, планированию, финансам, лесному делу, но увы! – приходится ощупью искать дорогу самому. <...>

¹ К этому времени А. М. Фридлиндер вернулась на работу в Библиотеку Академии наук. Г. М. Фридлиндер работал там в 1932–1934 гг.

53. <Жешарт. 30 нояб. 1943>

<...> Итак, Ты получила ответ, что Твое заявление будет расследовано ленинградской военной прокуратурой. Постарайся сделать всё зависящее от Тебя, чтобы на этот раз истина была восстановлена. Сошлись на тетю Цилю, Р. С. Выгодскую, А. С. Герзони, одним словом, всех лиц, которые на основании личного знакомств могут подтвердить еврейство Твоих и папиных родителей. Разрубить этот старый узел – единственный путь к тому, чтобы ускорить, может быть, весьма значительно наше свидание и вернуть меня к работе, более соответствующей моему характеру и знаниям. Поскольку речь идет только и исключительно о том, чтобы восстановить правду, необходимо добиться наконец успеха моих хлопот. Убийственно глупо, что не осталось никаких документальных данных, но убедительно прошу Тебя еще раз перебрать все бумаги, ибо я помню наверняка, что кое-что там было, например, свидетельство о крещении Твоей матери, подписанное раввином.¹ Кроме того, независимо даже от успеха наших хлопот (а я продолжаю надеяться на успех!) я требую, чтобы со всей этой басней раз навсегда было покончено. Она сыграла роковую роль в жизни Андрея и испортила немало крови за последние три года также и мне. Очень глупо, что это не было сделано раньше, но кто мог предполагать в прошлые годы, что эта историческая труха еще будет обладать в наше время таким значением! <...>

¹ По-видимому, описка: в свидетельстве, подписанном раввином, речь могла идти только о рождении Розы (ум. 1921), урожд. Сегаль, матери Анжелы Морисовны. Документ не сохранился.

54. <Жешарт. 7 дек. 1943>

<...> Это письмо я пишу Тебе специально ко дню Твоего рождения и к Новому году. Я уверен, что наступающий 1944 год будет годом нашего воссоединения, годом окончательного разгрома и изгнания врага из пределов нашей родины, годом, когда начнут возрождаться мирная жизнь, труд и счастье человечества. <...> Я совершенно здоров, новая работа мне нравится больше, чем старая, и вообще это время живу вполне прилично. Главное, что мне приятно, – что у меня теперь свободные вечера, достаю изредка книги, читаю, беседую по вечерам с здешними приятелями. Зима здесь установилась уже давно, всё занесено снегом, но особенно сильных морозов пока не было, наверное, ударят к рождеству или к крещенью. Контора лесобазы, где я работаю, расположена от нашей части километрах в 2-х, два раза в день совершаю эту прогулку по воздуху с большим наслаждением. Дорога – по шпалам, темно, но идти хорошо. По утрам совершаю эту прогулку вместе с 2-мя другими нашими трудармейцами, работающими вместе со мной, а вечером обыкновенно один, так как они уходят позже. При этом думаю о тысяче разных разностей, пою, декламирую, вспоминаю Тебя, друзей. Дома иду за ужином, потом читаю или болтаю, часов в 10 ложусь спать. На работу выхожу в 7 ч. 30, в 8 – начало. Вот и весь мой день. <...>

55. <Жешарт. 15 дек. 1943>

<...> в начале января наше подразделение должны перевести отсюда, останутся здесь только 50 человек специалистов, в числе их хотелось бы остаться и мне, постараюсь это устроить. <...> По Твоим письмам вижу, что ответа из лен<ин>градской воен<ной> прокуратуры пока не было. Если его не будет в течение длительного времени, надо было бы попробовать написать еще раз и Тебе, и тете Циле согласно ее обещанию. Я со своей стороны собираюсь писать во все стороны и открыть широкий круг действий с целью отсюда выбраться. <...>

56. <Жешарт. 29 дек. 1943>

<...> Пишу Тебе в тот день, который в разное время был в нашей семье и днем счастья и днем горести. С детства я привык встречать этот день с замиранием сердца. Помню, как мы когда-то под руководством француженки Фрайдзон¹ разучивали и переписывали для Тебя французские стихи: Андриюшино называлось «Les coqs», а мое «J'ai trois baiser à donner»,² причем самый горячий и чистый поцелуй предназначался матери. А затем идут долгие часы, когда по вечерам все друзья нашей семьи собирались вечером за нашим семейным столом, чтобы вместе с нами отпраздновать Твой день рождения – самый большой праздник в году для нас...

Моя дорогая! Всем, всем, что у меня есть в жизни, я обязан Тебе, Ты была для нас сначала самой лучшей матерью, позже – самым верным другом, присутствие которого мы неизменно чувствовали возле себя. <...> Мы были всегда Твоей первой и последней мыслью, только для нас Ты жила и дышала,

не думая о себе, готовая на всё ради нас. И сейчас в тысяче мелочей я чувствую возле себя Твое любящее присутствие – каждая вещь, привезенная сюда из родного дома, говорит мне о Тебе, о Твоей заботе и любви. Я гляжу на свои часы и вспоминаю наши совместные походы к Паде,³ гляжу на свой грешок – и знаю, что это *Твой* подарок, гляжу на свой ободранный пиджак – и вспоминаю, как мы вместе стояли за ним на Большом проспекте,⁴ простыни, на которых я сплю, одеяло, рубашки, гасуки – все вещи, окружающие меня, напоминают мне тысячи счастливейших эпизодов жизни, и на каждом неизменно сияет Твой чистый и лучезарный образ. <...>

¹ Речь идет о каком-то петербургском семействе (Фрайдоны).

² Эти детские поздравления, датированные 29 дек. 1923 г., сохранились в семейном архиве: записанные рукой Андриюши и Юры французские стихотворения «Cocogico» («Les coqs, toujours à voix pleine...») и «Mes trois amours» («J'ai trois amours dans mon coeur...»).

³ По-видимому, название магазина.

⁴ Улица на Васильевском острове, где с 1915 г. жили на Второй линии (пересекающей ее) Фридендеры.

57. <Жешарт. 2–3 янв. 1944>

<...> Опасность, что нас отсюда перекинут в другое место, миновала, – вероятно, весь первый квартал теперь уже мы проведем здесь <...>. Наш трест переехал в Киров (т. е. правление), может быть, со временем удастся съездить туда в командировку. Мне бы очень этого хотелось – на несколько дней попасть в город. Может быть, удалось бы там приобрести что-либо из книг <...>. Ужасно досадно, что из-за отсутствия книг я не могу хоть учиться чему-нибудь. Сейчас хорошо и то, что удастся доставать кое-какие книжки для чтения, в прошлом году и этого не удавалось. Ужасная здесь дыра! Новый год встретили довольно скучно, без десяти двенадцать я решил лучше пойти послушать радио и, оставив барак, отправился в контору. Мне удалось послушать Калинина и новый гимн.¹ <...>

¹ Новый государственный гимн СССР (слова С. В. Михалкова и Г. А. Эль-Регистана, муз. А. В. Александрова), взамен «Интернационала», прозвучал впервые по радио в ночь на 1 янв. 1944 г. Ему предшествовало традиционное новогоднее поздравление советского народа, с которым выступил М. И. Калинин.

58. <Жешарт. 6 янв. 1944>

<...> Пишу это письмо вечером дома: на работе все эти дни я был так занят составлением промфинплана на 1944 год, что совершенно не было времени писать. <...> Если Тебе так и не удалось связаться с Виноградовой, прошу Тебя еще раз оформить почтой свое заявление ей в лен<инградский> НКВД – два адреса, по которым я написал в конце декабря со своей стороны. Что касается Твоего заявления, которое из Москвы перенаправили в ленпрокуратуру, то, очевидно, оно затерялось где-то среди ведомственной переписки. <...>

59. <Жешарт. 12 янв. 1944>

<...> Только что кончил годовой план и принялся за прошлогоднюю отчетность, а там подойдет время и январской отчетности. Словом, работы немало, некогда и грустить. <...> У меня есть сильное желание между делом писать кое-что для себя. Я уже собираюсь даже дать все свои накопления одному сослуживцу, едущему в командировку в Киров и Горький, на предмет попытки приобретения бумаги на базарах. Может быть, со временем и мне придется побывать в Кирове. <...>

60. <Жешарт. 15 янв. 1944>

<...> если Ты случайно узнаешь, что кто-нибудь едет в Киров, Ты можешь этим путем направить мне бумаги для занятий и вообще – что Тебе захочется. Адрес нашего треста: Киров, ул. Герцена, д. 80, трест «Лузтранслес», с направлением на Жешартскую лесоперевалочную базу, плановику имярек. Курьер наш обращается между Кировом и Жешартом до 4–6 раз в месяц, бывают и другие оказии. <...> Завтра воскресенье – проведу его за чтением: случайно достал чудесную книжку – второй том несравненного «Тома Джонса».¹ <...>. На службе у меня очень тепло, целый день топится железная печка, зимнее обмундирование в приличном состоянии, зато костюм мой (пиджак) дошел до ужасного состояния, щеголяю настоящим оборванцем. Но, в конце концов, сейчас это неважно – главное, что на улице я одет с ног до головы и не мерзну. <...>

¹ Роман Г. Филдинга «История Тома Джонса, найденыша» (1749).

61. <Жешарт. 19 янв. 1944>

<...> сегодняшнее сообщение по радио об успехах наших войск под Ораниенбаумом и Новгородом говорят о том, что Ленинградский фронт пришел в движение и, может быть, уже скоро удастся отогнать от нашего города этих гадов. <...> Помимо общего огромного значения этого успеха полное и окончательное освобождение Ленинграда от остатков вражеской блокады имеет для меня трудно выразимое личное значение. Помимо того, что это поставило бы Твою жизнь и жизнь всех наших друзей вне опасности, каждый камень и каждый кусочек улицы в Ленинграде для меня священен по тому неисчерпаемому миру мыслей, чувств и воспоминаний, который связан с любым ленинградским закоулком и вообще всем, носящем на себе запах и печать нашего города. <...> на днях получил длинное и любовное послание от Яши <...>. Он – красноармеец (рядовой), скоро будет младшим командиром. В бою еще не был. Несмотря на неприятности, вызвавшие его уход с радио, настроение у него хорошее, и на происшедшее он смотрит как на неизбежную школу жизни.¹ <...>

¹ См. п. 35 от 30 мая – 5 июня 1943 г., примеч. 2. В письме от 15 дек. 1943 г. Я. Л. Бабушкин сообщал: «Уже полгода я оторван по существу от Ленинграда и топчу разные закоулки нашего фронта рядовым солдатом. В боях мне быть не приходилось пока, силы у меня еще есть, и я спокойно смотрю в будущее. В недалеком времени я стану младшим командиром. Верю, что всё впереди будет лучше, чем то, что прошло».

62. <Жешарт. 27 янв. 1944>

<...> Нина Магазинер (Дьяконова) защитила при Институте Герцена кандидатскую диссертацию о Китсе.¹ В ответ на мое поздравление она прислала мне из Свердловска пару книг, которые я сейчас с большим удовольствием читаю до и после работы.

Сегодня около месяца как я отправил письмо Виноградовой. Неужели Тебе так и не удалось связаться с ней? <...> Как обстоит в Ленинграде дело с библиографическими карточками? Нельзя было бы достать штук 200 хотя бы (в Архангельске даже уже во время войны их было сколько угодно – 1000 штук за 10–15 руб.) и прислать мне бандеролью. Это для английских и французских занятий, так как, чтобы не терять времени, я решил усовершенствоваться в языках.

¹ Защита кандидатской диссертации «Китс и поэты Возрождения» состоялась в 1943 г. в г. Кыштым Челябинской обл., куда был эвакуирован Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена. *Дьяконова Нина Яковлевна (1915–2013)* – жена И. М. Дьяконова, приезжала в Кыштым из Свердловска, где во время войны преподавала в различных вузах.

63. <Жешарт. 5 февр. 1944>

<...> Сегодня днем жду письма от Тебя – письма, написанного в великие и светлые дни окончательного разгрома немцев под Ленинградом и освобождения нашего любимого города. <...> У меня по-прежнему все обстоит хорошо. Хотя, конечно, в течение дня я могу использовать для занятий лишь немного времени, но постепенно я начал втягиваться в занятия и всё больше увлекаюсь мыслью о них. Вот те книги, которые я бы хотел, чтобы Ты выслала мне сюда в первую очередь (из имеющихся дома), если Ты найдешь для этого время и силы: 1). Гегель, *русское* издание, т. V, Наука логики, ч. 1. 2). То же, т. VI, ч. 2. К сожалению, оба тома очень толсты и увесисты. Не перепутай с т. I (тоже «Логика», так называемая «малая»)¹ 3). Пушкин (томики голубого цвета, издания Гослитиздата), т. 1–3 (Стихотворения – Поэмы – Сказки – «Онегин»); в первую очередь тома 2 и 3.² <...>

¹ Имеется в виду 14-томное издание «Сочинений» Гегеля, вышедшее с 1929 г.; в этом году вышел т. 1 с упоминаемой Г. М. Фридендером «малой» логикой (первая часть «Энциклопедия философских наук»); т. 5–6 с «Наукой логики» – в 1937–1939 гг.

² *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 6 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1931–1933.

64. <Жешарт. 10 февр. 1944>

<...> Итак, теперь тяжелое время 1941–42 гг. навсегда отойдет для Тебя в прошлое! Самое радостное для меня, что вместе с близостью врага ликвидирована опасность, постоянно висевшая над вашей жизнью, над Тобой. Ни одного вражеского выстрела не испытает уже на себе Ленинград. <...> Вчерашний день провел дома за воспоминаниями и письмами друзей. <...>

65. <Жешарт. 15 февр. 1944>

<...> Спасибо, спасибо Тебе за Твою нежность и заботы! Если бы я мог чувствовать себя более достойным их: сколько страданий и огорчений – увы! – доставил я тебе в прошлом исключительно по своей вине. Что касается Твоих опасений о моем здоровье, то в этом отношении будь совершенно спокойна. <...> В прошлом году, в июне–июле, были у меня незначительные цинготные явления на почве недостатка витаминов (нарывы на ногах), но они быстро прошли. <...>

В ближайшее время (чего раньше не было) в связи с переходом в новую хозяйственную организацию¹ я буду нуждаться в материальной поддержке. До сих пор я имел возможность существовать всецело за счет пайка и ничего не прикупать на стороне. В настоящее время паек мой сильно снизился, и это стало трудным. Необходимо прикупать картошку – чуть ли не единственное, что здесь можно достать (два пуда ее я уже проел). К сожалению, цены здесь аховые – в полтора-два раза дороже, чем на любом базаре. Так как я не страдаю фетишизмом вещей, то я решил лучше реализовать что-нибудь, если есть возможность, чем недоедать. Вероятно, теперь, поскольку Ленинград находится в более нормальных условиях, цены на вещи у вас должны были подняться. В связи с этим я бы предложил, не впадая в излишнюю поспешность, выбрать что-либо, что можно продать без особой потери и в то же время за что можно выручить мало-мальски приличную сумму и, разделив вырученные деньги на 2–3 приема, перевести их мне. <...>

Я прошу Тебя понять, что никакой крайности у меня, конечно, нет. Просто-напросто за это время я стал смотреть на вещи крайне трезво и считаю, что нельзя ни в коем случае допускать даже малейшего подрыва своих сил и здоровья, если этого можно избежать. Хотя Тебе уже пришлось продать кое-что, все же среди вещей папы, Андрея или предметов домашнего обихода найдутся вещи не очень для нас нужные при любых обстоятельствах. К сожалению, всё здесь стоит так дорого, что денег (любых), как я прекрасно понимаю, всё равно на много не станет. <...> Бумаги у меня теперь предостаточно: один знакомый, ездивший в Горький, купил мне 3 толстых тетради, разумеется, взял он с меня втридорога, но за *это* я решился заплатить любую цену, так как писать изредка для меня такая же потребность, как есть и пить. <...>

¹ У Г. М. Фридендера изменился статус – он стал спецпоселенцем (см. с. 451–452).

66. <Жешарт. 18 февр. 1944>

<...> Надеюсь, что прошлое мое письмо – с просьбой относительно денег – не слишком встревожило Тебя. <...> Я получаю 700 рублей, это, вероятно, раза в два больше, чем Ты, и *при необходимости в этом* мог бы даже регулярно посылать Тебе денег, а не просить Тебя о них. Но я считаю, что лучше продать что-либо менее нужное из вещей и даже втридорога прикупать кое-что к своему пайку, чем сидеть на скудной диете. <...>

67. <Жешарт. 23 февр. 1944>

<...> У меня всё обстоит неплохо: здоров, работаю, по вечерам читаю, так как удалось достать несколько книг. <...> Как обстоит дело с деньгами, я подробно писал Тебе в двух последних письмах. <...> Но вся беда в том, что я не знаю совершенно Твоих обстоятельств, а потому не знаю и того, не глупость ли я совершил, написав Тебе об этом. Ведь Ты можешь представить себе все дело совсем иначе, чем оно есть. Поэтому еще раз настоятельно прошу Тебя не думать, что я не могу обойтись без этих денег: *я вполне могу обойтись без них*. Учти это и действуй, сообразуясь со своими обстоятельствами. <...>

Прежде чем отправить это письмо, я долго размышлял, стоит ли просить еще что-нибудь, кроме костюма <...>. Что касается мелочей, то вот кое-что: у папы в ящике письменного стола должна быть бездна карандашей, резинок – это очень желательно; пара простых карандашей, пара чернильных, один (побольше) синий-красный, пару резинок, мыла (если есть), ниток, носки, одну (если есть) приличную верхнюю сорочку с воротничками и галстуком <...> вот, пожалуй, всё. <...>

68. <Жешарт. 29 февр. 1944>

<...> Когда университет вернется в Ленинград,¹ обязательно сообщи мне об этом. Может быть, Гуковский (хотя он большой циник) через Союз писателей мог бы помочь мне в том, о чем я подробно писал Тебе в прошлом письме. Получила ли Ты это письмо – с описанием некоторых особых обстоятельств моего бытия и конспектом заявления по поводу нашей национальности и др.² Это очень важно. О моих финансах я, предвосхищая Твои вопросы, подробно писал Тебе в прошлых письмах. Надеюсь, что Ты сможешь ликвидировать папины часы или что-либо подобное (не очень нужное) и, сколотив известную сумму, переводить мне в течение ближайших 3-х месяцев от 500 до 1000 рублей (пишу и самому страшно просить столько). <...>

¹ Ленинградский университет вернулся из эвакуации в мае 1944 г.

² Письмо не сохранилось; А. М. Фридендер писала, что не получила его. Вероятнее, однако, что она по-прежнему противилась начинанию сына, считая его нежелательным и преждевременным.

69. <Жешарт. 5 марта 1944>

<...> Многие кругом получают книги, только у меня почему-то пропали Лялина и Тамарина бандероли. Между тем, если бы я имел здесь какой-либо подходящий объект, дающий возможность при небольшом объеме использовать его для сколько-нибудь цельного научного исследования, я бы мог попробовать здесь писать и готовить что-либо впрок. Поэтому я еще раз очень прошу Тебя организовать мне 3–4 бандероли со следующими книгами: 1) Гегель, сочинения, т. 5 и 6 <...>; 2) Пушкин <...> первые три тома; 3) Гоголь – наиболее удобен для пересылки, так как книжки тонкие и без переплетов. Всего их 12 книжек,¹ из них вполне можно сделать 3 небольших

(или 4) бандероли. Гоголь очень бы мне подошел (только мне нужно иметь одновременно *все* эти 12 книжек: 1) в свое время я много занимался им и хорошо помню всю литературу; 2) у меня в Буле² была книжка Гиппиуса о Гоголе,³ очень небольшая и тоже удобная для пересылки, содержащая едва ли не все факты; 3) предмет сравнительно прост и удобен и в то же время дает обширный материал). Таким образом, всё это письмо опять занято просьбами. Это свинство с моей стороны, но с тех пор, как я думаю, что Тебе стало жить легче, во мне зашевелился эгоизм... <...>

¹ Имеются в виду «Сочинения» Н. В. Гоголя в 12 кн., вышедшие в типографии А. Ф. Маркса в 1900 и 1901 гг.

² Фридендер упоминает в письмах книжные шкафы семейной библиотеки, давая им различные названия, в данном случае – по особому стилю художественной мебели, творцом которой был знаменитый французский мебельщик А.-Ш. Буль (1642–1732).

³ *Gippius B. B.* Гоголь. Л., 1924.

70. <Жешарт. 8 марта 1944>

<...> Очень хотелось бы мне заняться изучением какого-либо нового для меня языка, но для этого нужно иметь одновременно: словарь, грамматику или учебник и текст, а это всё нужно где-то приобрести, собрать... Кроме путных книг надо прислать пару книжек «беспутных», каких-нибудь журналов, технических книг или макулатуры: их можно прекрасно использовать в качестве бумаги, в особенности при языковых занятиях. Как видишь, я жажду кипучей умственной деятельности! <...>

Обращаясь к Тебе с рядом просьб, в особенности в отношении денег, я делаю это из расчета, что Ты ликвидируешь что-либо, а отнюдь не будешь урывать у себя. <...> Поверь, что всё остальное наше имущество – пустышки, оно имеет смысл и ценность только постольку, поскольку служит для нашей жизни, здоровья. Сохранив жизнь, мы всегда сумеем, когда кончатся для нашего народа тяжелые испытания борьбы и лишений, создать для себя снова необходимый уют и комфорт. <...>

71. <Жешарт. 15 марта 1944>

<...> Последние дни много было работы, поэтому не удавалось читать, но до этого дня три-четыре посвятил всецело чтению и писанию. Представь себе, что мне здесь неожиданно удалось выяснить для себя ряд вопросов, невозможность решить которые задержали в свое время работу над диссертацией (о Толстом).¹ Решив их, я, ничтоже сумняшеся, принялся писать заново (ну, подумай, разве я не безумец?!), и, несмотря на то что всё приходится писать по памяти, почувствовал в этой дикой работе большое самоудовлетворение. <...>

Вот еще новость: контора наша переехала на новое место, и я совместно с двумя компаньонами (оба инженеры) решил переселиться рядом с конторой в отдельные апартаменты. Жилье наше будет из двух комнат с общим выходом, в одной (маленькой) поместится один из моих компаньонов, а в другой,

побольше, я с другим. Сейчас квартиру нашу белят, чистят, и думаю, что там будет неплохо. В новом доме будет гораздо больше возможностей для занятий, <чем в старом>, где нас было 12. <...>

¹ Г. М. Фридлиндер учился в аспирантуре ЛГУ в 1938–1940 гг., под руководством В. В. Гиппиуса. В архиве сохранилось письмо Гиппиуса с отрицательной оценкой работы Фридлиндера о «Войне и мире». В 1947 г. состоялась защита кандидатской диссертации «"Арабески" и вопросы мировоззрения Н. В. Гоголя петербургского периода», написанной Фридлиндером, большей частью, в Жешарте и представленной в диссертационный совет ИРЛИ осенью 1946 г.

72. <Жешарт. 19 марта 1944>

<...> до сих пор, как я *правдиво* писал Тебе, деньги мне не были нужны, и с питанием у меня всё обстояло all right.¹ Теперь, когда положение несколько изменилось в связи с переходом нашим на снабжение по линии лесобазы (с I/II), я, выяснив положение дела, поставил Тебя в известность о моих нуждах без всякой задержки, хотя, повторяю, я испытываю величайший стыд при мысли, что я, взрослый и здоровый балбес, должен обращаться за помощью к Тебе вместо того, чтобы самому помогать Тебе. <...> что касается книг, то все затребованные книги не представляют никакой особенной ценности, и, если не все они дойдут, ничего страшного не будет. Вслед за этими книгами, если всё пойдет у меня по-прежнему, попрошу Тебя прислать мне еще кое-что из Толстого (тт. 1–2–3–4–5, Дневник молодости) и о Толстом (Эйхенбаум, «Молодой Толстой» – маленькая тонкая книжка в Буле), но об этом я напишу особо. Дело в том, что, как я Тебе писал, я решил для себя некоторые важные вопросы, связанные с Толстым, и мог бы, пожалуй, осилить тему своей диссертации, которую не осилил в 1939–40 гг.

<...> Сегодня я переселился в свою новую квартиру, где и пишу Тебе. Комната очень уютная, топлю печку, с утра мыл и чистил всё, что требовало чистки, нанес себе «обстановку», создал максимальный уют, от которого несколько отвык. Товарищи мои должны переехать вечером. Днем сварил пшеничную кашу – в счет Твоего перевода. Развесил на стенах картинки и фотографии, расставил имеющиеся книжки, разложил всё по местам. Сейчас вечереет, скоро пойду в столовую за ужином. К сожалению, пока у меня нет электролампочки, поэтому буду первое время освещаться керосиновой коптилкой. Коптилку вчера устроил и направил: она горит довольно ярко и почти не коптит. Стекло смастерил для нее из полулитровой банки. <...> Сердечный привет Зое и Фафнеру² Очень приятно мне было читать о вашей коллективной масленой,³ вообще – как хорошо, что вы всё это тяжелое время вместе. Какие прекрасные друзья Зоя и Фафа и как хорошо, что Вы нашли друг друга. <...>

¹ Отлично (*англ.*).

² Дружеское прозвище Ф. Б. Кусовой.

³ Масленая неделя в 1944 г. – 21–27 февр. О блинах «в складчину» с З. Б. Подкопаевой и Ф. Б. Кусовой Анжель Морисовна написала в письме от 3 марта 1944 г.: «...очень много говорили о тебе, вспоминали прошлое».

73. <Жешарт. 27 марта 1944>

<...> У меня всё обстоит по-прежнему, т. е. хорошо. Зажили мы с Марком Юл<иановичем> в нашем новом уголке очень уютно. <...> На столе книги, на стенах две случайно прижитых мной эрмитажных репродукции и фотографии. Сейчас Марк Юлиан<ович> работает в ночной смене, утром вместе завтракаем, потом он ложится отдыхать, а я иду в контору (рядом). В 5 часов прихожу домой и бужу его: он разжигает печку, а я приношу хлеб и ужин. К ужину варим кашу. Это время ели пшено, которое я купил на твои деньги (очень удачно), а сегодня М. Ю. получил посылку от матери, и мы на некоторое время обеспечены самыми разнообразными блюдами. Как-нибудь решили по вашему примеру спечь блины, так как в посылке есть мука и топленое сало. Между тем, пока истекут его запасы, подыщется что-либо на вторую половину Твоих денег, да и получим свою зарплату. После ужина М. Ю. идет на дежурство, а я остаюсь один, мою посуду, затем читаю или пишу. Третий наш «сообщник» Александр Артурович Гефт (он работает зам. главного механика)¹ существует в своей, отдельной, комнатке, вечером заходим друг к другу, делимся новостями или просто болтаем. Честное слово, живем мы не так уж плохо, если бы только это было южнее...² <...>

¹ А. А. Гефт впоследствии работал в Горьковском институте инженеров водного транспорта (ныне Волжская государственная академия водного транспорта), доцентом кафедры технологии судостроения и судоремонта. Его брат – известный разведчик Николай Артурович Гефт (1911–1944). В позднейших записках Г. М. Фридлендер с огромным уважением вспоминал А. А. Гефта.

² М. А. Лифшиц в письме от 14 авг. 1944 г. упомянул «старушку Тиссен», которая, побывав в Жешарте, пришла «в восторг от уюта», созданного ее сыном совместно с Фридлендером.

74. <Жешарт. 4 апр. 1944>

<...> Я живу сейчас совсем хорошо, так что обо мне не беспокойся. Со времени переезда мы с Марком Юл<иановичем> решили вести свое хозяйство сообща, и пока это идет нам обоим на пользу. <...> он получил посылку от матери, кроме того, имел небольшой приработок, так что мы ежедневно имеем возможность готовить себе собственный «приварок», и думаю, что этих ресурсов нам хватит числа до 15–20-го апреля. Что касается Твоего перевода, то за 500 р. я купил пшена, а на вторую половину наш врач, ездивший в командировку в Котлас, привез мне муки (20 стаканов), которую мы в первый раз варили вчера, очень удачно, так как у нас было еще мясо. <...>

То, что Ты пишешь о Мих<аиле> Ал<ександровиче>, было для меня, естественно, очень интересно. Думаю, что он сделал этот шаг, т. е. вернулся к своей первой жене, из-за детей, которых он очень любит. Я совсем не знаю первой жены М<ихаила> А<лександровича>, но девочка его, которую я однажды видел с ним, так очаровательна.¹ <...> Одновременно с Твоим письмом я получил от Дм<итрия> Дм<итриевича>² пару книг. Кроме того, здесь на месте мне неожиданно удалось достать кое-что – и сейчас я по вечерам блаженствую, наслаждаясь чтением. <...>

¹ Речь идет о Екатерине Федоровне Лифшиц (1905–1980), урожд. Мордасовой, первой жене М. А. Лифшица, и их детях – Виттории (род. 1927), Германе (1930–1992) и Анне (род. 1938). Общение с ними Лифшица в 1944 г., однако, не было «возвращением» к его первой жене. Упоминание об «очаровательной девочке» не прошло для Фридендера бесследно: Лифшиц, знакомый со всеми его письмами к матери, выразил в 1945 г. шутовское намерение женить Фридендера на своей старшей дочери.

² *Обломиевский Дмитрий Дмитриевич* (1907–1971) – автор трудов о французской литературе, впоследствии сотрудник ИМЛИ РАН.

75. <Киров. 10 апр. 1944>

<...> Пишу Тебе это письмо в поезде по дороге в Киров. <...> Еду для утверждения наших штатов и смет, которые затеряли в тресте и которые надо спешно утвердить и доставить обратно. <...> В Кирове сделаю кое-какие хозяйственные закупки, также раздобуду несколько книжек и т. д., думаю посетить театр, библиотеку, пединститут, где, может быть, подвизается кто-нибудь из знакомых. <...> По дороге не выдержал: побаловал себя молоком и парой крутых яиц, от которых отвык. Здесь везде всё стоит в 2–3 раза дешевле, чем в проклятом Жешарте. Сколько бы я мог сэкономить, если бы у меня было с собой больше денег, закупив побольше припасов. <...>

76. <Киров. 15 апр. 1944>

<...> Сегодня я уезжаю из Кирова. Шлю Тебе мою рожницу, которая, надеюсь, Тебя порадует. Пальто на мне чужое, поэтому не удивляйся, что я такой «шикарный». <...> Еду из Кирова домой нагруженный покупками и посылками, как дачный муж.¹ Купил масла, муки, луку, яичной муки, мыла, зубной порошок. <...>. Но книг купить мне не удалось, так как их продают слишком дорого, а я должен был думать прежде всего о продуктах. <...> Мне здесь было очень хорошо. Жил в очень радушной ленинградской семье. <...>

¹ Выражение «дачный муж» стало нарицательным благодаря, во-первых, рассказам «Один из многих» (1887) и «Трагик поневоле» (1889) А. П. Чехова, а во-вторых, произведениям того же времени другого писателя, Ив. Щеглова (И. Л. Леонтьева), его юморескам и комедии «Дачный муж».

77. <Жешарт. 18 апр. 1944>

<...> Вчера вернулся домой и нашел: 1) Твой перевод от 24/III на 500 р. это второй перевод, полученный мной (первый был на 1000 руб.), о получении третьего, о котором Ты пишешь, извещу по его получении; 2) 2 бандероли, содержащие первый, второй и третий тома Пушкина. <...> Если можно будет отправить из Ленинграда посылку, это будет, конечно, замечательно. В посылку следует вложить: синий костюм, рабочие ботинки Андрея на толстой подошве (или другие), материал на портянки, носок 3–4 пары, одну пару белья, одну верхнюю рубашку (если есть), пару галстухов; из папиного ящика, если есть, – несколько карандашей, в том числе чернильных, пару резинок,

перьев. Ниток, штопки, иголок *не надо*, я купил в Кирове. Можно мыла. Продукты в Ленинграде сейчас, конечно, в несколько раз дешевле (на базаре), чем здесь. <...> Пришли также Андриюшину коробку акварельных красок, а также, если есть у него в столе, масляных, они нужны Марку Юл<иановичу> для окраски игрушек, которые он делает.

<...> Из книг жду: англо-немецкий (Below's English-German Dictionary)¹ и франко-русский словари (стояли в Левитоне, на верхней, кажется, полке, первый красновато-коричневый, второй черный); Maupassant, «Une vie» или «Bel ami»;² Пушкин, остальные три тома; <...> Гегеля («Наука логики»); Гиппиуса о Гоголе и Гоголя в издании Маркса <...>; Вико, «Новая наука»³ – синяя книга большого формата, америк<анский> шкаф, 3-я полка; Dante, по-немецки, там же наверху. Пишу максимум, а жду чего-нибудь. <...>

¹ «Англо-немецкий словарь» (англ.).

² Романы Г. Мопассана «Жизнь» (1883) и «Милый друг» (1885).

³ Имеется в виду книга «Основания новой науки об общей природе наций» Дж. Вико, итальянского мыслителя XVIII в.; ее русский перевод вышел в 1940 г. под редакцией и со вступительной статьей М. А. Лифшица.

78. <Жешарт. 2 мая 1944>

<...> Горячо поздравляю Тебя в день 1-го Мая. Надеюсь, что и эти дни, как дни Пасхи, Ты проведешь хорошо, в обществе друзей <...>. Я получил уже дней пять назад вашу чудесную пасхальную открытку, которую даже прочел вслух своему сожителю – М<арку> Ю<лиановичу> Тиссену, о котором Тебе писал. Какие вы милые, а ведь я даже забыл поздравить Тебя. Правда, в этот день я был в дороге!¹

<...> 30-го выдали нам на май сахар и крупу (мы решили с мая месяца целиком перейти на домашнее питание и отказаться от столовой, так как она стала очень скверной). На ужин мы сварили суп и сладкую овсяную кашу с маслом, а на третье – чай. Вчера я устроил званный обед: пригласил (кроме нас троих) одного гостя – на первое был суп чудо искусства (из картофеля с овсяной крупой и луком, пережаренным на масле), на второе пшенная каша в сверхобычном количестве с маслом и сахаром. Все участники обеда остались в восторге от моего искусства. Сегодня их очередь, не знаю, чем они меня намерены удивить. Оба утра я вставал в 5 часов и садился за книгу до завтрака (около 7–8), сегодня после завтрака мы с Освальдом² (мой второй сожитель, о котором я Тебе писал, «спортсмен») занялись заготовкой дров и наготовили их кучу, затем я снова уселся читать на этот раз присланную мне Ниной книжку английских рассказов современных писателей. В 4 ч. вечера принялся за готовку, и около 6 мы обедали. Вечером читал вслух, а затем М. Ю. насвистывал мне арии из «Онегина», «Фауста», «Руслана и Людмила», а кое-что даже спел, что редко удается у него допроситься. У него прекрасный слух, и когда-то он учился петь. Увы! здесь нет инструмента, а то я бы уж заставил его поиграть мне!³ Сегодня после «дровозаготовок» сел за письма, а потом собираюсь снова читать – по истории.

Перехожу теперь к одному проекту, который, верно, тебя удивит: Дмитрий Дмитриевич предлагает мне работу для своего журнала.⁴ Ему нужен ряд небольших статей о некоторых русских классиках, а я, во-первых, очень заинтересован в возобновлении связи с печатью, так как это может сыграть решающую роль для всего моего будущего, а во-вторых, работа для Дм. Дм. даст мне заработок <...>. Вот книги, которые мне нужны:

1). *Лермонтов*, Полное собрание сочинений. У нас их два. Одно академическое, в 5 томах, оно стояло в американском шкафу. *Его не присылай*. Второе двухтомное <...> под редакцией Введенского.⁵ Оно стояло в папином шкафу. <...> 2). *Гоголь*, издание А. Ф. Маркса <...>. 3). *Гиттиус В. В.* Гоголь. Изд. 1924 г. <...> 4). *Некрасов Н. А.* Стихотворения <...> Маленькая серая книжка в колленкоровом переплете, издание «Библиотеки поэта», малая серия.⁶ Книжка подарена мне Обломиевским и на титульном листе *есть его надпись*. Стояла в Левитоне. 5). *Балухатый С. Д.* Справочник по Толстому. Изд. 1927 г.⁷ <...> Если ее не найдешь, возьми ее в БАН и перепечатай для меня на машинке помещенную в ней после вступительной статьи краткую «Хронологию жизни и деятельности Толстого» (на машинке около 4-х страниц). <...> Кроме того, мне нужны любые издания хотя бы избранных сочинений Белинского, которых нет у нас дома. Эту просьбу постарайся выполнить поскорее. Если с Обломиевским удастся наладить связь, то в дальнейшем я совершенно избавлю Тебя от присылки переводов! <...>

<Приписка Ф. Б. Кусовой и З. Б. Подкопаевой>

Дорогие Фаина и Зоя Борисовны! Благодарю Вас сердечно за Ваши поздравления. Ваша открытка доставила мне много радости, а приятнее всего было для меня прочитать о маме, что она почти «прежняя». <...> Я живу сейчас гораздо лучше, чем раньше. Очень жаль мне, что в Кирове не удалось заставить Ник<олая> Александровича⁸ – сколько бы я мог рассказать ему! Но, может быть, удастся со временем повторить поездку или, наоборот, в летние месяцы зазвать кого-нибудь на неделю ко мне сюда.⁹ Об этом, конечно, пока еще рано говорить, но принципиально это вещь вполне возможная. Нужно лишь командировочное удостоверение, да и дальность пути, с 2-мя пересадками несколько пугает. <...> только от станции сюда надо дойти около 8 км. <...>

P. S. Я забыл написать, что на окошке нашей комнаты стоит букет вербы.

¹ В 1944 г. Пасха (православная) была 16 апр. В письме речь идет о следующей открытке А. М. Фридендер: «Христос воскрес! Поздравляю с праздником, желаю всего-всего лучшего, а в первую очередь здоровья! Вчера почти весь день провела у Зои и Фафнера, где ночевала. Мы с Фафнером пекли в пятницу миниатюрные куличики, которые сравнительно хорошо удались, вчера вечером разгавливались, было уютно, хорошо, вспоминали тебя. <...> Идем с Зайкой сейчас в церковь, а потом вернусь домой, поставлю самоварчик к приходу Изы (Вермана. – С. Б.), поджарю хлеб и спечу свой кулич...»; здесь же приписка З. Б. Подкопаевой и Ф. Б. Кусовой: «Христос воскрес! Крепко трижды целуем, надеемся на скорую встречу. Желя совсем молодцом, стала прежняя, кроме ног и сердца. Возвращайтесь скорее в родной Ленинград. Ваши друзья Фафнер и Зоя».

² *Освальд Карл Родионович* – комсорг на жешартской лесобазе в 1944 г. (см.: *Морозов Н. А.* Мобилизованные группы... С. 68).

³ М. Ю. Тиссен был творческим человеком. В истории Лаборатории «Б» он упоминается и как прекрасный пианист, и как руководитель драматического кружка.

⁴ В 1943–1945 гг. Д. Д. Обломиевский был главным редактором журн. «Интернациональная литература» на французском языке («La Littérature Internationale»). Статьи Г. М. Фридлиндера публиковались в журнале с конца 1945 г. В списках своих научных работ он упоминал о них обобщенно: «В 1945–1946 годах я принимал участие в работах отдела печати ВОКС (см. п. 85 от 8 июня 1944 г., примеч. 7. – С. Б.), написав для него несколько статей о русской литературе, предназначенных для распространения за рубежом» (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, № 379, л. 7 об.).

⁵ «Академическим» Фридлиндер называет пятитомное издание Лермонтова, вышедшее в издательстве «Academia» в 1935–1937 гг. Второе издание Полного собрания сочинений Лермонтова под редакцией А. И. Введенского вышло в 1901 г.; его четыре тома были собраны под общими обложками двух книг.

⁶ Книга (со вступительной статьей и примечаниями А. Я. Максимовича) вышла в 1938 г.

⁷ Справочник по Толстому: Даты жизни и творчества, хронология и систематика сочинений, библиография / сост. С. Д. Балухатый и О. А. Писемская. М.; Л., 1928.

⁸ *Подкопаев Николай Александрович* (1892–1950) – муж З. Б. Подкопаевой, доктор биологических наук (1934, по совокупности работ; 1949, защита диссертации), сотрудник Института физиологии им. И. П. Павлова АН СССР (1929–1940), во время войны находился в Кирове, куда была эвакуирован Научно-исследовательский медицинский институт ВМФ, где он был начальником Отдела военно-врачебной экспертизы.

⁹ Приезды родственников к трудомобилизованным немцам были разрешены еще в 1942 г. А. М. Фридлиндер мечтала о поездке в Жешарт, однако М. А. Лифшиц был против: «...это будет ей не под силу» (апр. 1945 г.).

79. <Жешарт. 8 мая 1944>

<...> Написал и сегодня послал Дмитрию Дмитриевичу – без книг! – заказанную им статью о Лермонтове. Думаю, что опыт удачен, посмотрим – каково будет его мнение. Завтра принимаюсь за статью о Гоголе. Перечисляя нужные книги, я забыл самое главное. Пока я пишу по-русски, но ведь журнал-то Дмитрия Дмитриевича выходит на французском языке, и в будущем я должен буду посылать ему текст статьи сразу же во французском переводе. Для этой цели мне необходимы францужско-русский и русско-французский словарь. <...> Надеюсь, что если статьи мои пойдут в ход, по одной в месяц, то смогу выручить в месяц рублей по 500. <...> Узнай в БАН, может ли наша база получать от вас книги в порядке абонементов, и если да, пришли пару бланков гарантийных писем.¹

<...> поздравляю горячо тебя и Фафу с правительственной наградой.² Мне хочется гордиться своей старушкой.

О посылке. Вот полный перечень всего, что я прошу: 1) Синего костюма не посылай. Вместо этого пришли брюки от грубошерстного или другие, покрепче, и какую-нибудь сносную верхушку. Можно не пиджак, а мою шерстяную блузу с «молнией», предварительно залатав рукава, или какой-нибудь пиджак, имеющий приличный вид и нетяжелый. 2) Полотенце – 1, майки (без рукавов) – 2 (или нижнюю сорочку), 1 рубашку с 2 воротничками и галстуком, летние хлопчатобумажные брюки (если есть) (можно выкрасить белые),

материал на портянки, носки 4–6 пар, хорошо, если одни из них шерстяные; спортсменки или какие-нибудь летние туфли-тапочки (*ботинки мне выдали*, галош не надо), наволочку – 1. Мыло туалетное – 1 или 2 куска, хозяйственное – 1 кусок, нитки – черные и белые, пуговицы – для кальсон и брючные и 3–4 больших, для пальто. Зубные щетки – 2–3, зубной порошок или паста – 1 коробка, сода питьевая – 1 пакетик или коробочка, витамин «С», если есть. Чернила в порошке, перья – 30 штук (мое вечное перо в Москве, в моем чемодане), карандашей несколько (в том числе пару красных-синих), Андриюшины акварельные краски, но без *металлической коробки*, а то будет тяжело, или пару кубиков масляных, если есть в его столе (для Тиссена). Бумага – 3–4 или более общих тетради, или столько же листовой (сколько можно).

Остальной вес заполни: 1) парой мотков или отрезков кружев среднего качества (имеют прекрасный сбыт у местного населения и дорого ценятся); 2) нитками, мулинэ (если есть дома) то же; 3) табаком, папиросами или махоркой, если можешь достать по госуд<арственной> цене; здесь осьмушка стоит 40–50 рублей. <...> Пришли кусок темного шерстяного материала и клочок сатина или колленора для заплат пиджака и брюк, находящихся со мной. <...> Хорошо было бы, если бы в бумагу Ты положила пару репродукций из кожного альбома в моем столе: Giorgione, *Un concerto di musica*,³ Botticelli, *L'annunciazione*⁴ и фрески Микель Анджело (без надписей, вложены пачкой). <...>

¹ Межбиблиотечный абонемент в БАН был в это время лишь в проекте, о чем А. М. Фридлиндер с сожалением сообщила сыну.

² Речь идет о медали «За оборону Ленинграда», которой были награждены 17 апр. 1944 г. А. М. Фридлиндер и Ф. Б. Кусова.

³ Музыкальный концерт (*итал.*). Неясно, о какой картине итальянского художника эпохи Возрождения Джорджоне пишет Г. М. Фридлиндер («Сельский концерт» («Концерт под открытым небом»), «Урок пения» («Три возраста») и т. д.).

⁴ «Благовещение» Боттичелли (существует несколько работ художника на эту тему).

80. <Жешарт. 13 мая 1944>

<...> Как я писал Тебе, я уже послал Дмитрию Дмитриевичу одну статью (о Лермонтове), а сегодня или завтра закончу вторую – о Гоголе. Вслед за этим примусь за третью – о Некрасове или Толстом. Несмотря на всю важность посылки, книги для меня не менее важны. <...> над Гоголем я предполагаю, если застряну здесь, работать всю зиму. Нужно будет разыскать также имеющийся у меня один том его писем,¹ книжку Аксакова «История моего знакомства с Гоголем».²

Не думаешь ли Ты, что Твое награждение дает Тебе полное моральное право все же попытаться возобновить хлопоты по моему делу? Хлопотать нужно в Леноблисполкоме и НКВД, можно обратиться с письмом к Жданову.³ <...>

¹ Имеется в виду четырехтомное издание «Писем» Н. В. Гоголя 1901 г.

² Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем. СПб., 1913.

³ Жданов Андрей Александрович (1896–1948) – в годы войны первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б).

81. <Жешарт. 18 мая 1944>

<...> Пожалуй, наше совместное хозяйство заставило меня несколько выйти из нормы, так как мои товарищи склонны сразу израсходовать все ресурсы, хотя бы потом пришлось сидеть на голодном пайке. Вчера мы одновременно получили по переводу и перешли снова на индивидуальное хозяйство. Буду строго придерживаться нормы и растягивать свои средства, как могу. Не помню, писал ли я Тебе, что закончил для Дмитрия Дмитр<иевича> статью о Гоголе, но пока не высылаю ее, так как жду его отзыва о первой (лермонтовской) статье. Начал я было писать и третью статью – о Толстом, но – увы! – совсем не помню дат и ряда биографических мелочей. Может быть, Тебе удалось перепечатать и выслать мне хронологическую канву по книжке Балухатого «Справочник по Толстому», как я просил. <...> Д<митрий> Д<митриевич> прислал мне 4 номера своего журнала, которые я уже почти прочел. Жешарт, как это ни смешно, научил меня читать по-французски, хотя отдельные слова и выражения ускользают от меня без словаря. К 1/VI надеюсь получить Твою посылку, а также *Словари*, как я просил. <...> в посылке надеюсь найти кое-что для обмена на семенную картошку. Надо думать об огороде: это спасение здесь; скоро спадет вода, и тогда буду копать и копать. В прошлом году у нас не было возможности сажать что-либо, но в этом она есть – и надо ее использовать.

Что Ты думаешь о моем предложении относительно необходимости возобновления хлопот обо мне? Каково Твое мнение? Мы находимся сейчас в ведении отдела спецпоселений НКВД Коми АССР. Впервые мобилизован (до этого в пединституте) я был в феврале 1942 г., направлен на участок военно-строит<ельных> работ № 240 арханг<ельского> Военно-строит<ельного> управления, а оттуда в июле 1942 г. направлен в Коми АССР. Этих фактов обо мне достаточно. Моя литерат<урная> деятельность Тебе известна. <...>

82. <Жешарт. 23 мая 1944>

<...> У меня все обстоит хорошо, здоров, написал 3-ю статью для Обломиевского (о Толстом, пока начерно). Посылать эту третью статью, как и вторую, пока не буду, так как хочу сначала дожидаться от него ответа. Представь себе, что в писанине я сделал, кажется, *большие успехи*: посмотрим, что скажет Дмитрий Дмитриевич. Я стал писать лучше и – что особенно неожиданно – сам процесс писания протекает у меня гораздо легче, чем раньше.

С нетерпением жду Твоего ответа на мой запрос – не считаешь ли Ты целесообразным все же попытаться еще раз похлопотать обо мне. <...> Может быть, можно было бы хлопотать, чтобы, если твое состояние не позволяет Тебе выехать сюда, меня бы пустили на месяц или 15–20 дней к Тебе на свидание?

83. <Жешарт. 26 мая 1944>

<...> Большое спасибо Тебе за высланный перевод. Он придет вовремя, так как – увы! – ужасно много уходит денег при здешней дороговизне, и иначе

нельзя. Боюсь и думать о том, сколько я уже Тебе стоил. <...> Сегодня нам выделили землю и дали семена огурцов, капусты, турнепса и свеклы. Останковка за главным – картофелем, но его, видимо, придется как-то доставать в обмен на присланное Тобой в посылке. А пока надо браться за лопату и копать. Завтра или в воскресенье посажу в ящике капусту, постараюсь угорворить одного земляка изготовить мне ящик. <...>

84. <Жешарт. 1 июня 1944>

<...> Живем мы ничего: нам выдали наконец за май наши продукты, кроме того, мне удалось выговорить себе на первое время по стакану молока в день. Сейчас у нас есть молоко, масло, мясо, сахар, прямо все блага. Сегодня вечером отправляюсь с лопатой на огород, а утром занимался посадкой капустной рассады. <...> Прошлый месяц был у меня месяцем творчества: 3 статьи после 2-х лет перерыва, этот обещает быть огородным, времени на писание будет мало. К сожалению, здесь еще очень холодно, замерзаю в конторе, так как из-за наступления «лета» не топят, а лето – где оно?

85. <Жешарт. 8 июня 1944>

<...> все высланные тобой 3000 дошли до меня. <...> У меня были некоторые новости: во-первых, нам пришлось из нашей чудной комнаты перебраться в крошечную каморку, прескверную, с клопами, где мы с М<арком> Ю<лиановичем> едва установили свои кровати. Что касается клопов – думаю поправить дело, организовав на днях штукатурку и побелку. Во-вторых, все мы, работники аппарата, с 5-го числа ежедневно ходим на 5 часов работать на производство, на электропиле, что довольно трудно. Из-за этого – увы! что мне особенно досадно, мой огород, о котором я мечтал все время, грозит так и остаться невскопанным. <...>

Я все же мечтаю еще раз заставить Тебя написать заявление обо мне. В заявлении укажи, что Ты такая-то, работаешь там-то, награждена медалью, муж умер во время войны. Твой единственный сын – по специальности научный работник и литератор – мобилизован, но по таким-то причинам (мнимое национальное происхождение предков) используется в трудармии на Жеш<артской> л<есо>п<еревалочной> базе, где работает конторским работником. 1) Более пространно опиши мою лит<ературную> деятельность с 1936 по 1941 г. в «Лит<ературном> критике»,¹ «Лит<ературном> обозрении»,² «Лит<ературной> энциклопедии», укажи статью об Энгельсе,³ комментарий к Марксу,⁴ книгу о Белинском (для серии «ЖЗЛ»).⁵ 2) Сошлись на М. М. Розенталя (бывшего гл<авного> редактора Госполитиздата),⁶ В. С. Кеменова (председатель ВОКС'а),⁷ Е. Ф. Усиевич (ред<актор> журн<ала> «Новые Горизонты»),⁸ М. А. Лифшица (на политработе в НКВМФ), проф<ессоров> Г. А. Гуковского, Б. М. Эйхенбаума, Н. Я. Берковского, Н. И. Мордовченко, Б. А. Бялика, Б. С. Мейлаха, Д. Д. Обломиевского и т. д. как на лиц, могущих дать обо мне отзывы; 3) напиши о том, что мой прадед (фактически) польский

еврей, переселившийся в Германию и принявший там протестантство,⁹ и далее всё, что можешь изложить по этому поводу. Заявление, по-моему, Жданову или Попкову.¹⁰<...>

¹ В своих позднейших автобиографических беседах М. А. Лифшиц так вспоминал о «Литературном критике», выходившем в 1933–1940 гг.: «В общем, это был журнал заметный, интересная страница в истории марксистской литературы, особенно литературной критики. Здесь можно было встретить не только декларирование известных общефилософских и политических позиций, но и разработку марксистского метода исследования за пределами общих положений, с применением довольно широкой образованности и, самое главное, глубокой идейной убежденности в верности марксистских, коммунистических идей. <...> ему были присущи независимость от догматизма тех лет и довольно широкий духовный кругозор» (*Лифшиц М. А.* Надоело. В защиту обыкновенного марксизма: Беседы. Статьи. Выступления. М., 2012. С. 57–58). Обширная переписка Г. М. Фридендера с М. А. Лифшицем 1930-х гг., хранящаяся в Архиве РАН, свидетельствует о большом желании принять участие в баталиях своих старших товарищей сначала с вульгарной социологией, а затем и с официальной сталинской бюрократической критикой. Впоследствии он упоминал в списках трудов лишь две напечатанные в «Литературном критике» статьи: «Формализм и эклектика в науке о литературе» (1936. № 5. С. 35–53) и об Энгельсе (см. примеч. 3).

² О статьях и рецензиях Фридендера на страницах «Литературного обозрения» (двухнедельный журнал, издававшийся с 1936 г. при «Литературном критике») см.: Основные работы Г. М. Фридендера // *Фридендер Г. М.* Достоевский и мировая литература. Л., 1988. С. 450.

³ Имеется в виду статья Фридендера «Ф. Энгельс и вопросы литературы» (Литературный критик. 1940. № 11–12. С. 10–41). Она предназначалась для не вышедшего из-за цензурных трений 12-го (заключительного) тома «Литературной энциклопедии» (1929–1939).

⁴ См. примеч. 1 к п. 26 от 19 янв. 1943 г.

⁵ Книга Фридендера о В. Г. Белинском для серии «Жизнь замечательных людей» (некоторое время главным редактором серии являлся М. А. Лифшиц) не была закончена к сроку (1 дек. 1940), обозначенном в договоре с издательством (см.: *Макаров Н. А.* Выдающийся литературовед Г. М. Фридендер. С. 114), рукопись ее неизвестна.

⁶ *Розенталь Марк Моисеевич* (1906–1975) – ответственный редактор «Литературного критика», заведовавший в годы войны отделом агитации и пропаганды Свердловского обкома ВКП(б), прислал Фридендеру, как он писал матери из Архангельска 4 июля 1942 г., «очень хорошую личную характеристику» и обещал «поддержку» в переводе на «более благоприятную работу». Характеристика сохранилась в архиве в копии 1946 г.

⁷ ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, председателем которого Владимир Семенович Кеменов (1908–1988) был в 1940–1948 гг. Он входил в круг авторов «Литературного критика» и «Литературного обозрения».

⁸ *Усевич Елена Феликсовна* (1893–1968) – литературный критик, в 1930-е гг. один из основных авторов журн. «Литературный критик» и «Литературное обозрение», с 1940 г. редактор литературно-художественного журнала на польском языке «Новые горизонты» («Нови виднокренги»); решение о выпуске этого журнала принимало Политбюро в связи с присоединением западных областей Украины и Белоруссии.

⁹ См. п. 42, примеч. 1.

¹⁰ *Попков Петр Сергеевич* (1903–1950) – председатель Ленгорсовета.

86. <Жешарт. 12 июня 1944>

<...> Я уже писал Тебе о переезде в новую комнатку. Мне ее оштукатурили, побелили, и сейчас она сияет чистотой. Клобы после ремонта ушли, правда ненадолго, но осенью можно будет оштукатурить еще раз. Удобство новой

квартиры в том, что у дома имеется свободный (небольшой) участок, который сегодня мне должны вспахать и который в течение недели я собираюсь засадить свеклой, турнепсом, морковью, капустой и картофелем, если достану его. Если достанем хоть пуд картошки, может быть, соберем 10 пудов, что прокормит нас месяца два, а другие овощи составят подспорье на лето. <...>

87. <Жешарт. 14 июня 1944>

<...> Сегодня я, совершенно паче чаяния, получил 5 бандеролей <с книгами>. Если бы к зиме удалось еще прикупить: первые два тома *писем* Гоголя, книгу Вересаева «Гоголь в жизни» или сборник Гиппиуса «Гоголь в письмах и воспоминаниях»,¹ то я бы мог – я в этом уверен – за осень и зиму написать о Гоголе толковую книгу. <...>

¹ Имеются в виду издания: *Вересаев В. В. Гоголь в жизни: Систем. свод подлинных свидетельств современников.* М.; Л., 1933 (книга была куплена и выслана Фридлиндеру Лифшицем); *Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях / Сост. В. В. Гиппиус.* М., 1931.

88. <Жешарт. 20 июня 1944>

<...> Главное, о чем я должен Тебе сообщить, – это о том, что мой огород наконец стал действительностью. Засадил мы всего около полутора соток, возле нашего дома. Это немного, но больше, пожалуй, нам не по силам. Картофеля удалось добиться 20 килограмм (по 10 на каждого) в виде ссуды от лесобазы. <...> Земля, говорят, хорошая: целина, с большим процентом перегноя. Мне ее сначала вскопали и бороновали, а затем двое товарищей помогли нам прокопать участок вручную. <...>

Вообще вот книги, которые так или иначе к *осени* будут мне нужны, чтобы я действительно мог писать о Гоголе: 1) «Вечера на хуторе». 2) «Миргород». 3) Статья Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 <и> 1835 <году>». Статья небольшая, можно перепечатать ее на машинке. 4) Рассказ (неоконченный) Гоголя «Кровавый бандурист» (можно перепечатать на машинке, разыскав в БАН). 5) Гиппиус В. В. Гоголь. 1924. 6) Гиппиус В. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях. 1930. 7) Письма Гоголя, т. 1–2 <...>. Пока я начал читать с большим увлечением и вижу, что выбор мой правилен: писать о Гоголе можно почти без книг. Достаточно перечисленного, и, если придется еще зиму провести, удалось бы написать почти законченную книгу, требующую сравнительно небольшой доработки.

<...> Только что поужинали вместе с Марком Юлиановичем, попили молока, которого я сейчас получаю пол-литра (а М. Ю. 0,3), и съели свой «УДП» (дополнительное блюдо, которое нашей бирже впервые выделили на июнь, к сожалению, только на один месяц). <...> По пути домой удостоверялся, что на нашем огороде уже вышли из-под земли первые росточки будущих огурцов и турнепса. Дай бог, чтобы огород этот не остался пустой затеей: тогда в скором будущем, может быть, удастся совсем оказаться от Твоей помощи, по крайней мере – на время. <...>

89. <Жешарт. 24 июня 1944>

<...> Начал писать еще одну статью – о Чехове. Огород мой меня утешает, хотелось бы только, чтобы он был побольше. Погода установилась, стало тепло. Мы варим свою кашу и не унываем. Марк Юл<ианович> сделал хорошее изобретение, за которое в будущем месяце должен получить 1000 рублей. Это + огород, если даст первые свои результаты, будет нам подспорьем. <...>

90. <Жешарт. 2 июля 1944>

<...> сегодня один из дней, скорбный для нас по семейным воспоминаниям, – день рождения Андрея. <...> Не плачь, не грусти, дорогая, может быть, Андрей еще жив и вернется, а если нет – сколько других, тоже молодых, сильных и талантливых погибло за эти годы! Оставим то чувство горечи, которое отравляет нашу мысль об Андрее, и будем смотреть на жизнь проще и спокойнее. <...>

Мы с М<арком> Ю<лиановичем> получили еще по 15 кг семенного картофеля и посадили вторую картофельную плантацию. Теперь у нас посажено, если выбросить отходы, около 40 кг, две сотых га. Если картофель удастся, несмотря на плохую погоду и позднюю посадку, это должно дать до 400 кг, т. е. 25 пудов. Часть урожая (пудов 5) нам придется отдать одному парню, который помогал нам при посадке и будет помогать дальше; пудов 20 должно – тьфу-тьфу! – остаться на долю нас двоих. Это значило бы, что в случае удачи месяцев 5 осенью и зимой мы сможем прожить на картошке, ничего не прибавляя.

<...> Хочу в течение июля проситься съездить в Сыктывкар для посещения зубного врача. В первый раз в жизни я узнал, что такое зубная боль. В свободное время пишу статью о Чехове (в связи с его юбилеем). Статья получается довольно большая и интересная, но не знаю, когда удастся ее кончить. <...>

91. <Жешарт. 6 июля 1944>

<...> Очень прошу Тебя: по получении этого письма сходи к сестре Обломиевского <...> узнай, где он и здоров ли. Уже два месяца он мне не пишет и ничего не ответил на присылку двух моих статей. <...> Ведь я так мечтал при его посредстве восстановить свою связь с литературой и одновременно избавиться от необходимости прибегать к Твоей поддержке! Чертовски мне не везет!

Зато могу сообщить и хорошую новость: получил вдруг большое и очень теплое письмо от Лифшица. Он кое-что сообщает о себе (пишет, что, между прочим, может быть, окажется в Ленинграде и тогда, конечно, будет Твоим гостем) и одновременно предлагает мне при его посредстве написать Эренбургу. На днях думаю это осуществить. Может быть, Эренбург и захочет что-либо сделать для собрата по перу.¹ <...>

¹ Речь идет о письме Лифшица от 20 июня 1944 г. В нем он признался, что все его усилия по вызволению Фридендера зашли в тупик. Лифшиц предложил ему, во-первых, обратиться к Л. М. Кагановичу (в это время он работал «в его ведомстве», т. е. в Народном комиссариате

путей сообщения: «Если бы Вас НКПС использовал на более квалифицированной работе по культурной части – это уже была бы победа»), а во-вторых, – к писателю И. Г. Эренбургу («...просить его содействия, сославшись на нас, на наши свидетельства. Он получает много писем и делает кое-что»). Фридендер выбрал второй путь, поскольку Эренбург уже помогал ему ходатайством в довоенное время (РГАЛИ, ф. 1334, оп. 2, ед. хр. 610); ответ от его секретаря был направлен в Жешарт 11 авг. 1944 г.: «Как только будут результаты, Вам будет немедленно сообщено». 14 авг. 1944 г. Лифшиц написал Фридендеру: «На Эренбурга с разных сторон будут наживать (т. е. напоминать о Фридендере. – С. Б.). Он обещал сделать всё, что сможет, и, вероятно, сделает. Всесильным его считать нельзя». Одновременно Фридендер направил письмо председателю правления Союза писателей СССР Н. С. Тихонову, по поводу которого Лифшиц обронил: «...на этого я не надеюсь» (отклика, по-видимому, действительно не было). С осени 1944 г. Лифшиц пересылал Эренбургу все ходатайства о Фридендере, которые удавалось получить. По-видимому, он сыграл значительную роль в его вызволении. См. также вступ. ст., с. 454–455.

92. <Жешарт. 11 июля 1944>

<...> Вчера получил Твое письмо и посылку <...> Сегодня щеголяю в Андриюшином пиджаке, гимнастерке и своих летних брюках. <...> Мулинэ у меня вырвали из рук, также и нитки – очень выгодно (в деньгах за мулинэ 300 руб., за белые нитки по 50 р. за моток, черные я оставил себе). <...> Краски я оставил Марку Юлиановичу, хотя за краски для материи предлагают по 40 руб. за пакет.

Откуда Ты взяла, что я работаю на физической работе? Я сто раз писал Тебе, что работаю плановиком-экономистом, а сейчас титулуюсь даже начальником планово-экономического отдела. Правда, я писал Тебе, что в мае и июне все мы временно переключались на несколько часов в день на производство, но ведь это бывает сейчас везде, если работа этого требует. А в районах, где работы носят сезонный характер, как сплав и выкатка, летняя работа инженерно-технического и конторского аппарата на производстве – вещь почти что неизбежная.

<...> Картофель мой всходит у нас под окном, также огурцы, турнепс, свекла. Пересадил на грядку капусту, но не знаю, как привьется рассада. Погода улучшилась, но настоящего лета в этом году здесь, видимо, так и не будет. Меня это беспокоит, особенно как сельского хозяина: каждый день с тревогой смотрю, как растет моя картошка. Так и хочется взять каждый кустик и повытягивать его, чтобы он поскорее стал повыше. <...>

93. <Жешарт. 16 июля 1944>

<...> аскорбиновой кислоты мне уже сделали 4 впрыскивания (через день). Чувствую себя очень хорошо, возможно, что впрыскивания играют здесь свою роль. Мне выписан ордер на пару белья (рубашку и кальсоны), которую завтра получу, поэтому больше белья присылать не нужно. Мыла нам также пока немного выдали. <...> Сегодня утром переписывал, исправлял свою чеховскую статью, которую еще не кончил, затем собирал щавель. Только что съел обед из двух блюд: 1) зеленый суп (щавель); 2) овсяная каша с *маслом* и *молоком*. Молоко, как я Тебе писал уже, я получаю, а овсяную крупу и масло нам

недавно выдали по карточке, причем мне удалось получить сливочное масло, а не растительное. <...> Кроме перечисленного есть у нас еще порядочно селедочек килечного посола (крохотных), которые нам выдали в счет мяса: мы кушаем их на хлебе и, надо сказать, с большим удовольствием. Огород мой растет и процветает: не знаю, что будет с другими овощами, но на картошку мы, кажется, можем твердо рассчитывать. <...>

94. <Сыктывкар. 29 июля 1944>

<...> Вот уже второй день в Сыктывкаре. <...> был в пединституте и обкоме партии относительно своего перевода в пединститут. Говорил с членами кафедры, с директором и с зав. отделом школ обкома. И она, и директор произвели на меня наилучшее впечатление. В ближайшие дни она должны выяснить возможность моего откомандирования из трудармии в распоряжение обкома для работы в институте – и тогда напишут мне об этом в Жешарт. Главная трудность Тебе известна, это все тот же проклятый вопрос об ошибке в папиных бумагах. Но может быть, удастся это преодолеть, хоть надежды большой пока на это возлагать не следует. Сыктывкар – очень маленький, но чистый городок. Благодаря одному счастливому знакомству, мне удалось устроиться в центральной гостинице, где замечательно чисто и уютно, ем в ресторане <...> притом очень дешево. Конечно, не обошлось дело без посещения библиотеки. С книгами здесь очень прилично. Вчера был в кинотеатре, где смотрел фильм «Непобедимые» – о вас, ленинградцах.¹ <...> Завтра утром иду на базар, где сделаю кое-какие закупки: куплю пару килограмм зеленого лука, немного редиски, ягод – для Марка Юл<иановича>, кое-какие мелочи. Продукты здесь дороги, и покупать их нет большого смысла. <...>

¹ Художественный фильм «Непобедимые» (режиссеры С. А. Герасимов и М. К. Калатозов) вышел на экраны в 1942 г.

95. <Киров. 12 авг. 1944>

<...> Вот уже третий день я в Кирове <...> звонил Лиде, а также пытался звонить на два телефона в БАН. <...> Можешь себе представить, какое огромное удовольствие доставил мне внятный и живой голос Лиды. Слышно утром прекрасно, так и чувствуешь возле себя близкого человека, по которому Ты изголодался. От Лиды я узнал, что Миша в Ленинграде и живет у нас. Это чудесно, так как, несмотря на свою занятость, я уверен, что он всегда поможет Тебе во всем, где такая помощь требуется, что Ты теперь не одна, что с тобою есть близкий человек, до известной степени заменяющей Тебя меня. Надеюсь, что и Мише будет у нас хорошо. Может быть, к зиме вам удастся совместными усилиями остеклить и привести в порядок столовую, и тогда у него будут вполне приличные условия для работы и необходимый минимум книг вблизи. <...>

В Кирове я живу у бывшей хозяйки моего жешартского сожителя Тиссена, но главную часть времени провожу в семье сослуживицы Ник<олая>

Ал<ександровича> Подкопаева Брызгаловой, где к нам все исключительно милы. Вчера были с Петром Ивановичем (главбух!) в кино, сегодняшний вечер собираюсь провести в библиотеке. <...> В библиотеке (передай Мише) я постараюсь ознакомиться (бегло) с положением на философском фронте. Питаемся мы здесь неплохо, время идет весело, вообще Киров мне нравится. <...> Если бы нам удалось завтра поговорить! Это надолго осветило бы всю мою жизнь! <...>

96. <Жешарт. 16 авг. 1944>

<...> ответа из Сыктывкара нет. <...> думаю, что надежды на перевод в институт придется похоронить. Ну что ж?! Может быть, Эренбург что-нибудь сделает. Будем ждать. Погода здесь по-прежнему сырая и холодная, но огород мой выглядит сравнительно неплохо, хотя несколько солнечных дней ему не повредили бы. Картошка начинает цвести, у капусты уже большие листья, даже свекла и морковка похожи на самих себя. Огурцы буйно цветут, но толку от них, конечно, в такой холод уже не будет. <...>

97. <Жешарт. 22 авг. 1944>

<...> Как дела Миши? И удается ли вам ваш проект устроить его у нас более прочно? <...> Ответа из Сыктывкара нет и, видимо, уже не будет, так что пока я остаюсь здесь. Погода опять разгулялась, светит солнышко, и огород наш повеселел. У меня эти дни роскошные мясные трапезы, ем прекрасно, почти как дома, хотя кулинарю сам. Сожитель мой все еще в Лузе,¹ и я эти дни один. В свободные часы читаю Пушкина и валяюсь на сене. <...>

¹ Луза – город в Кировской области, районный центр.

98. <Жешарт. 27 авг. 1944>

<...> Как я уже тебе сообщал, переговоры мои в Сыктывкаре снова кончились ничем. Может быть, об этом и не следует особенно жалеть: уехать отсюда впоследствии было бы весьма трудно. Кроме того, с окончанием навигации жизнь в Сыктывкаре должна быть невыносимо скучной, и в материальном отношении там не лучше, чем здесь. Из-за холодов огород мой – увы! – еще далеко не созрел: пользовались от него пока только парой редисок, турнепсом и капустным листом. Особенного сбора – увы! – ожидать не приходится, картошка мелкая. <...>

Письмо к М. А. Лифшицу

99. <Жешарт. 6 мая 1945>

Мой дорогой, горячо любимый друг и брат! К сожалению, это письмо мне приходится писать Вам далеко не в радостном тоне. Наш план лопнул. И про-

изошло это после того, как поездка была мне уже положительно разрешена, и я только из осторожности писал Вам и маме в неопределенном духе. <...> Письмо Орбели¹ было получено сюда, примерно, 26/IV. <...> Я, прочтя письмо, счел его крайне наивным и сразу же решил, что ничего не выйдет. Но начальник мой, напротив, страшно воодушевился и сказал мне: «Мы это сделаем». На следующий день сюда ожидался зам. начальника Северо-Печорской дороги Сергеев. Прежде всего, мой начальник сказал мне написать от его имени письмо на имя Сергеева с просьбой об его санкции. Я сделал это, был принят Сергеевым и получил его резолюцию: «Не возражаю. Согласовать вопрос с т. Кленовым» (начальник РО НКВД). <...> 30-го сюда приехал заместитель Кленова. <...> он взял у меня бумаги и сказал, что выезд будет мне разрешен, но прежде он должен доложить обо всем деле начальнику РО НКВД и получить его санкцию. <...> последний сказал, что вопрос решен ими на месте быть не может, что они должны запросить наркомат в *Сыктывкаре* и что во всякое другое место они бы отпустили беспрекословно, но в Ленинград, как и в Москву, вряд ли это будет возможно. Кроме того, как я уже Вам писал, он высказал все то, что я Вам писал вперед: 1) что они бы разрешили, если бы это был официальный вызов Ленсовета; 2) что письмо должно было быть адресовано в наркомат или, по крайней мере, к ним (с. Айкино, Усть-Вымское РО НКВД), а не на лесобазу; 3) что они отпустили бы, если бы письмо было подписано депутатом Верховного Совета СССР и РСФСР, но они не знают, является ли таковым Орбели, а сам он этого не указывает. В заключение Козлов (зам. нач. РО НКВД) сказал, что они все же не отказывают пока окончательно, а прежде снесутся с Сыктывкаром; кроме того, он предлагает мне, если Кленов снова будет сегодня (6/V) здесь, зайти и поговорить с ним лично – вместе с нашим техноруком. <...>

Итак, я считаю: 1) с одним письмом Орбели меня не отпустят; 2) нужно послать хотя бы копию этого письма или вторичное, настоятельное письмо в НКВД Коми АССР (Сыктывкар) или, лучше, в Усть-Вымское РО НКВД, с. Айкино, Коми АССР; 3) желательна кроме подписи Орбели подпись кого-либо из профессоров или академиков-депутатов Верховного Совета (Байкова, Вавилова)² или вообще депутата Верховного Совета.

Все это, конечно, при наличии помощи Гаяны Павловны³ или вообще при возможности. Еще лучше, если бы Институт литературы (Плоткин) написал письмо с визой Орбели на имя Берия о том, что Академия вообще ходатайствует об отозвании меня для работы.⁴ Думаю, что такая просьба была бы уважена. Вас может удивить, что требуется такая сложная процедура для того, чтобы меня отпустить: но не забывайте: как мобилизованный в трудовую армию, я не имею на руках ни паспорта, ни военного билета, ни какого бы то ни было другого удостоверения личности. Для поездки-де, кроме командировки и письма Орбели, нужно какое-то официальное удостоверение личности, которое мне может дать только НКВД Коми АССР или его районный орган, в ведении которого я нахожусь.

Продолжение – деловое и личное – после беседы с Кленовым.

<...> Ну, вот и окончание! Вместо меня с Кленовым беседовал наш технорук, так как мое присутствие оказалось необязательным. По его рассказу, беседа протекала «в дружеской атмосфере», но Кленов повторил, что если бы это был формальный вызов – дело другое, при отсутствии же такового он сам вопроса решить не может и будет запрашивать Сыктывкар, причем сообщит, что письмо исходит от вице-президента Академии наук и т. д. Результат он обещал сообщить через несколько дней по телефону. *Я все же считаю, что это завуалированный отказ.* <...>

Кроме тех возможных мер, о которых я писал выше и из которых я бы считал самым разумным обращение Орбели к Берия, в чем бы могла оказать помощь Гаяна, так что это было бы не слишком трудно организовать (а между тем даже здешние инстанции выразили уверенность, что этим было бы всего вернее достичь результата), – кроме этого возможен еще один компромисс: договориться с Институтом литературы относительно статьи – с помощью соответствующего письма от дирекции – добиваться отпуска не в Ленинград, а в какой-нибудь университетский город, где есть библиотека, с тем, чтобы там написать статью. Ведь заявляет же здешнее начальство, что во всякое другое место, за исключением Ленинграда, Москвы, Киева и т. д., они согласны отпустить беспрекословно. Между тем для меня даже самая возможность пожить, где бы то ни было, другой жизнью и позаниматься имела бы существенное внутреннее значение. Я ужасно устал от условий жизни, от обстановки, людей, содержания работы, и мне мучительно нужен отдых от всего этого. По вечерам я чувствую себя ни на что уже неспособным, и, может быть, в этом есть доля правды. Но я не хочу Вас угнетать, так как знаю, что Вы сами устали и нуждаетесь в отдыхе гораздо больше меня. Грустно, что, может быть, еще не скоро нам придется снова увидеться, но будьте уверены, что я никогда не изменю нашему знамени, и, если только судьба позволит мне вернуться на идеологическую работу, Вы всегда будете иметь во мне любящего и понимающего Вас соратника. Чем больше я живу, тем больше держусь общих интересов и взглядов. <...> Ваш любящий Юра.

¹ Орбели Леон Абгарович (1882–1958) – академик, вице-президент (1942–1946) АН СССР, физиолог. Сообщения об обращении Орбели, написанном «по ходатайству дирекции Института литературы», содержались в письмах к Фридендеру Лифшица (март–апрель 1945 г.): «Орбели в ранге зам. наркома, поэтому его вызов равносильен официальному разрешению на въезд в Ленинград» (как показали события, это предположение оказалось ошибочным). «К старику», т. е. к Орбели, ездил сам Лифшиц. До этого он обращался к академику Н. А. Вознесенскому, заместителю председателя Совнаркома СССР, но тот отказался ходатайствовать за Фридендера.

² В письме называются академики, депутаты Верховного Совета СССР, А. А. Байков (1870–1946) и С. И. Вавилов (1891–1951).

³ Цуринова Гаянэ Павловна (род. 1901), урожд. Султан-Шах – секретарь академика И. А. Орбели, директора Эрмитажа, знакомая А. М. Фридендер. Она ходила к ней вместе с Лифшицем.

⁴ Речь идет о работе Фридендера в коллективной монографии ИРЛИ «История русской критики» (вышла в двух томах в 1958 г.); им была написана для нее статья «Основные направления русской критики 1890-х – 1917 годов».

Библиографический список

1. *Байбурин А. К.* К антропологии документа: паспортная «личность» в России // Антропология социальных перемен: Сб. ст. к 70-летию В. А. Тишкова. М., 2011. С. 533–555.
2. *Берггольц О. Ф.* Дневные звезды. Говорит Ленинград. М., 1990.
3. *Биневич Е. М.* Свидетельства о Якове Бабушкине // Звезда. 2015. № 12. С. 218–229.
4. *Биневич Е. М., Тамарченко А. В.* Переписка из трех углов: Эпистолярный роман. СПб., 2009.
5. *Ботвин А. П.* «Анабазис»: война в документах, воспоминаниях и суждениях философа // Михаил Александрович Лифшиц / под ред. В. Г. Арсланова. М., 2010. С. 405–421.
6. *Ганелин Р. А.* В штабе Карельского фронта (по воспоминаниям И. М. Дьяконова и Е. Г. Эткинды) // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2012. № 5 (126). С. 7–11.
7. *Герман А. А., Илларионова Т. С., Плева И. Р.* История немцев в России: Хрестоматия. М., 2005.
8. *Гончаров Г. А.* Рабочие колонны на Урале в годы Великой Отечественной войны: Формирование и размещение // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 9 (59). С. 135–142.
9. *Гончаров Г. А.* «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: вопросы историографии, теории и практики // Вестник. Челяб. ин-т экономики и права. Челябинск, 2002. № 2. С. 67–95.
10. *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995.
11. *Дьяконова Н. Я.* Мои воспоминания // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 434–439.
12. *Емельянов Б. М., Гаврильченко В. С.* Лаборатория «Б»: Сунгульский феномен. Снежинск, 2000.
13. *Лифшиц М. А.* Надоело. В защиту обыкновенного марксизма: Беседы. Статьи. Выступления / предисл. В. Г. Арсланова; коммент. В. Г. Арсланова, А. П. Ботвина, А. С. Стыкалина. М., 2012.
14. *Лифшиц М. А.* Почему я не модернист? Философия. Эстетика. Худож. критика / публ. В. М. Германа, А. М. Пичикян, В. Г. Арсланова; сост., предисл., коммент. В. Г. Арсланова М., 2009.
15. *Лифшиц М. А.* Проблема Достоевского: (Разговор с чертом). М., 2013.
16. *Лотман Л. М. Г. М.* Фридендер в моей памяти сквозь долгие годы общения и сотрудничества // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 440–460.
17. *Макаров Н. А.* Выдающийся литературовед Г. М. Фридендер // Вестник Поморского ун-та. Сер. «Гуманит. и соц. науки». 2006. № 1 (9). С. 113–115.
18. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е годы) / сост., предисл., коммент. Н. Ф. Бугая. 2-е изд. М., 2000.
19. *Морозов Н. А.* Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР в 1942–1946 гг. // Покаяние: Коми Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2013. Т. 10, ч. 1. С. 58–69.
20. *Морозов Н. А.* Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948–1954 годы). Сыктывкар, 1998.
21. *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2005.

22. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960 / сост. М. Б. Смирнов. М., 1998.
23. Странники войны: Воспоминания детей писателей. 1941–1944 / сост. Н. А. Громова. М., 2012.
24. *Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства: (На крутых поворотах советской истории). Киев, 2001.
25. *Фридлендер Г. М.* Достоевский и мировая литература. Л., 1988.